

ЭЛЕОНОРА БАРОН

ПЛЕННИЦА
ДЕРЗКИЙ ТРОФЕЙ
ПРЕДВОДИТЕЛЯ

18+

Элеонора Барон

**Пленница. Дерзкий
трофей предводителя.**

«Автор»

2026

Барон Э.

Пленница. Дерзкий трофей предводителя. / Э. Барон — «Автор»,
2026

В чужом мире, в теле хрупкой герцогини, я — душа, готовая дать отпор! Мой пленитель – жестокий варвар, уверенный в своей власти. Хочет взять меня в рабство? Пусть попробует! Скоро он узнает, что такое гнев оскорбленной герцогини! Главное - дожить до хеппи энда или хотя бы не быть придушенной раньше времени!

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	51
Глава 17	54
Глава 18	57
Глава 19	60
Глава 20	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Пленница. Дерзкий трофей предводителя.

Глава

Глава 1

Я лежала на животе. Щеку колола жёсткая трава. Судорожно вздохнула, и до меня долетел запах чего-то горелого. С трудом приоткрыла глаза, зрение расплывалось. Темнота. Огни. Мёртвый лунный свет. Вначале я ничего не слышала, как будто вокруг стояла оглушительная тишина, потом слух начал медленно возвращаться. Крики. Треск. Рёв. Запахло гарью.

Что было? Авария? Последнее, что помню, – лязг тормозов. Потом полетела куда-то, и вдруг справа как коридорчик, даже нет – воронка, и меня туда засосало. Привидится же такое!

Так, где я? Меня выкинуло на обочину? А что за крики? Ещё кто-то пострадал?

Зрение постепенно возвращалось, и я увидела какие-то здания. И как в тумане дерущихся людей. На мечах? Реконструкторы? Откуда взялись? Что за бред? Где я? Что это за местность?

И получила ответ. Здесь же, в моей чем-то ушибленной голове. Почему ушибленной? Потому что голос без тела перед здоровой бы не появился.

— Это мой город, — печально сказал голос молодой девушки, — и он пал.

— Куда пал? — тупила я. Пасть можно низко, в чьих-то глазах.

— Крушители его захватили.

— Какие крушители? И вы кто, девушка?

— Я? Уже никто. Умерла. Убили меня и вырвали из тела, ещё живого. Теперь вот – дух.

Ты теперь – я, чужая душа.

— Я? А как я сюда попала?

Но в ответ тишина, исчез голос. Может, снится? Нет. Вон щеку колет, и мужики полуголые бегают.

Что происходит? Какая душа? Какие, мать их, крушители. Я с трудом оперлась на дрожащие руки и села на колени. А это что на мне? Доспехи на плечах? Кожаная рубаха тугонькая, не вздохнуть, и штаны с длинной дырищей на левом бедре. Коленочки щуплые. А волосы белые – это чьи?

Твои, дура, — сама себе ответила. — Они с твоей головы растут.

И тут на меня обрушился клубок воспоминаний. Чужих. Кучей малой. Перемешанной, перекрученной. У меня аж дыхание остановилось. На минуту. Потом отмерла и задышала. И голову, как обручем чугуном, сковало. Но что-то удалось из этой свалки образов выхватить. Девушка. Та, чей голос, – бывшая хозяйка тела. А сейчас меня сюда заселили. Кто? Шут его знает.

А впереди горел город. И над ним висела нереально огромная синяя луна. Другой мир? И эти самые крушители: огромные бронзовокожие мужики, с рёвом бегали с мечами наперевес. Что там про них есть в моей ныне голове? Воинствующая раса, как орда, нападающая на северные города и увлакивающая к себе в предгорье добычу, рабов и рабынь.

Город взяли на копье. «Радхары», вот как их звали на самом деле. А «крушителями» назывался один из северных родов.

Я оглянулась. Сзади крепостная стена, та самая, с которой меня и скинули. Что??? Ну да, меня с неё скинули. А кто? Некоторые воспоминания доходили до меня с опозданием, с неохотой, как будто память хотела это дело забыть, отгородиться. Да кто же меня скинул? Захотелось выругаться и стукнуть себя по башке. Ох, как больно в воспоминаниях чужих копаться, но надо глянуть-то, кто же убивец.

Жених! Да ладно?! Любовь всей жизни. Её жизни, её восемнадцатилетней, почти девятнадцатилетней жизни. Не моей. Сейчас бы я такого жениха в своей жизни сама откуда хочешь скинула бы, и платочком помахала. В свои сорок пять уже прошла и огонь, и воду, и медные трубы. Вот он тварь какая. Да не один, с папенькой своим. Опекуном моим.

Так, а кто я? Ох, моя голова. Ох, ух. Вдохни, выдохни. Ого! Не хухры-мухры. Херцогиня я. Однако меня занесло. Имечко ещё ничего. Ханна меня теперь величать. Созвучно моему. А вот фамилия подкачала, не выговорить – Снэ-бьёрн. Память услужливо подсказала: «снежный медведь» переводится.

Скосила глаза на волосы – порода прослеживается. И главный город в герцогстве, которое я по совершеннолетию получить должна была, Медвежутск назывался. Прямо как у нас где-то в глубинке, ни разу в нём не была, но вроде слышала. В этом Медвежутске хозяйка этого тела и обитала всё время.

А как её в это поселение занесло накануне набега? Городом мне, современной леди, эти с десятков строений трудно назвать. Ох. Всё, хватит – не копаемся в чужой памяти, а то сейчас от боли окочурюсь.

Эти, как их? «Крушители», всё бегали по городу, а я сидела около стены. Передо мной куча бочек была навалена и меня прикрывала. Думаю, может отползти в норку какую? Спрятаться. Но тело, как под наркозом общим было: еле слушается, и левое полупопие вдруг как припекло. Вот блин, меня что, на сковородке поджарить успели? Или что?

Сидела, как истуканчик, и смотрела на brutальных мужиков, которые непотребствами занимались вовсю. Девочек бедных из домов вытаскивали, а некоторых и затаскивали. Девки голосили. Не заголосишь тут. Правда, я орать не буду. Здесь голоси не голоси – не поможет. Здесь либо бежать, что в случае моего упавшего с высоты тела сейчас напрочь исключается, либо бить на опережение.

У меня хоть нож есть, чтобы бить? Если есть доспехи, должна же быть и тыкалка острая. Я же на стене не просто красовалась и сиськами трясла, которых, судя по сильно затянутой рубахе, у меня не было, я, наверное, сражаться полезла туда.

— Эй, голос, ты где? — позвала я тихо.

А в ответ – тишина. Самой разбираться надо.

«Щас ко мне полезут, а я им как яйца отхвачу». — фи, Анечка, как некультурно.

Да какая тут культура, когда тебя насиловать скоро прибегут. Нож нашелся, на ноге. Узкий. Держись, охальник. После меня тебе только в гарем евнухом устраиваться.

Но, может, если не отползти, то залечь? Мёртвой притвориться?

Хорошая мысль приходит опосля. Раньше надо было думать. Меня углядели. Ко мне маленькой и худенькой, судя по щуплым коленкам, двинулся мужик. Из той породы, что по прозвищу зверь. Метра два точно в нём было. С мечом. Голой грудью и роговым доспехом на одном плече.

Насупленный, огромный, с длинными чёрными волосами. Я как кролик белый замерла поначалу, как перед удавом. Смотрю на него. Эх, с такой комплекцией ему бы в моей фирме тяжести перетаскивать. Строительством яхт я занималась.

Сама рукой к ножу тянусь. Понимаю, для чего идёт: уж точно не в кино приглашать. С таким-то лицом. А ножны, зараза, никак не открываются. Застёжка на них мудрёная. Этакую на пояс верности только вешать надо. А мне бы сейчас он и не помешал.

Бочки, как вёдра пустые, ногами расшвырял. Подходит. Лапицей своей схватил меня за подбородок и задрал.

Страшно аж жуть, я же не железная, но храбрюсь. Крупной дрожью не дрожу. А этому, видимо, понравилось моё лицо. Нагнулся, схватил подмышки, поднял и к стене припёр. Вишу, прижатая, ноги над землёй болтаются.

А он ко мне наклонился и нюхать стал. Ноздри раздувает и с шумом воздух втягивает. Как зверь дикий, вот честное слово. Я по жизни не сильно боязливая была. Когда бригадой мужиков управляешь – слово «страх» сразу забудешь. И словам матерным научишься, чтоб братию мужскую к порядку призывать. Особенно когда им невесть что в голову втемяшится.

А перед этим прям сомлела. Фильм про дикую природу смотрела в прошлой жизни. Там такой экземпляр был. Гризли трёхметровый. Вот один типаж. В фильме говорили: если наткнешься на такого – мёртвой прикидывайся. Может, мне того? В обморок типа? А может, не надо?

Испугалась я, в общем, а когда я пугаюсь – агрессивничать начинаю. Скалку достаю. Бывший муж мой как-то напился и полез на меня рукоприкладством заниматься, приревновал, сволочь. А тухнула я тогда сильно. Пришлось ему скорую вызывать и на развод подавать. Развелась-то тогда я быстро, только эта скотина сейф мой опустошил. А там и зарплаты, и деньги на материалы. Опустил меня в ноль.

И сейчас я в большом испуге была, когда размахнулась и ногой здоровяку по яйцам саданула. Он дёрнулся. Глаза расширились. Так на меня посмотрел, что я сразу почувствовала – сейчас будут что-то со мной делать. А он, мама родная, пластинами роговыми зарастать на глазах начал. Это что за чуды-юды тут обитают? До этого места я в воспоминаниях не дошла. Таких хоть бей, хоть не бей по причинным местам – без толку, ногу отобьёшь. Себе. Глазами хлопаю, ногами сучу в воздухе.

— Ты-ы-ы! — заревел. И так громко, что у меня в ушах зазвенело.

— Я, — мой голос дал петуха.

— Да я тебя! — ревет грызли.

— Не надо, — говорю, — меня, мужчина, я ценная. За меня, может, выкуп дадут.

А про себя думаю: «а может, не дадут. Ещё и приплатят, чтоб меня тут же прикопали».

— Я целая герцогиня. Ханна Снэ-бьёрн, — пишу.

Чудище задумался:

— Герцогиня, говоришь. Плохо тебя кормили, смотрю. Но мордашка ничего такая.

Смотрю, заинтересовался моей родословной. Поставил на землю. Господи, громадина-то какая, я ему носом ровно в грудь упираюсь. А он пригнулся и как меня за попу схватит двумя руками и к себе прижмёт. И давай дегустировать полупопия на мягкость. А у самого что-то в штанах шевелиться начало. Мамочки! Что-то большое. Что-то очень большое.

— Хм, задница тоже неплоха, есть за что подержаться, ну а теперь здесь глянём.

Попу отпустил, за ворот схватил и рванул рубашечку кожаную. Она хрясть и разорвалась полностью. Чувствую, похолодело тело. А он глаза опустил. Выражение лица вообще на довольное сменилось. Даже бровь насупленную приподнял и голову набок склонил. Смотрит так, а глазки удивлённые-удивлённые.

Думаю: «Чего уставился, у меня там что, их три?»

На свою с неба свалившуюся собственность тоже думаю, надо глянуть. Глаза опустила.

А там

Глава 2

Там, оказывается, богатство скрывалось. Под тужуркой кожаной, утягивающей. Сама засмотрелась. Высокое, полное такое сокровище, с крупными сосками.

«Какой у меня размер, интересно? — задумалась. — Троечка точно. А может, сама не побойсь этого слова, и четвёрочка!»

Стоим с насильником будущим, меня разглядываем. Вот свезло-то как мне в этой жизни! Не с тем, что мне предстояло стать предметом насилия, а с титьками белыми наливными подфартило. Даже гордость за них проснулась. А то в той жизни с несчастной единичкой бегала.

У мужика даже пластинки все исчезли от вида такой красоты. Как схватит сиси мои лапшами своими. Стоит, наминает. Я аж ойкнула. Вцепился, как клещ, гад в новоприобретённое богатство. В штанах у него не то, что шевелится, а уже голову приподнимает.

«Приплыли, — думаю. — Сейчас меня здесь — я порылась в памяти, — всё верно, девственности будут лишать».

Надо что-то делать. Что-то неординарное, чтобы изумился и про изнасилование забыл. Как схватила его за соски, давай тоже мять. Он оторопел. Стоим, наминая друг другу грудь. Он, видимо, с таким первый раз в жизни столкнулся. Отпустил руки, ну и я тоже. Он потянулся, я в ответочку сделала то же самое. Радхар даже головой затряс, как медведь, пчел отгоняющий. Видимо, решил, что спит. А я стою подбоченясь, грудь вперёд. Гордая. Знай герцогинь наших.

Боюсь представить, что мне в ответ надо будет делать, если он мне в штаны полезет. Радхару, видимо, тоже такая мысль в голову пришла. Изумлённо так на меня посматривает, интерес в глазах разгорается, но инициативы не проявляет. Видимо, варианты ответочек просчитывает.

Тут голос сзади:

— Кхе-кхе, Предводитель.

— Чего? — не оборачиваясь, бросил сам. О как. Меня угораздило к самому верхнему в этой пищевой цепочке попасть.

— Всё, тех, кто получше, сгрузили, готовы до дому. И вот чего нашёл.

Потом вижу, морда высунулась из-за плеча и на мои вторичные половые признаки уставилась. Присвистнула.

Предводитель, видимо, в себя пришёл, из гипноза вышел.

— В сторону смотри, тысячник. Мой это трофей.

— Да я что? Я ничего. Это только. Риг, ты через полгодика мне её сразу передай. А я вот тебе подарочек. Ты же любишь диковинки собирать.

И суёт этому Ригу статуэтку полярного медведя, небольшую, сантиметров 10, но явно из какого-то непростого камня: белого и переливающегося на солнце, как жемчужина.

Предводитель этот взял её, повертел в руках и в карман сунул.

— Договорились.

«Чего? — пронеслось у меня в голове. — Я что, вымпел переходящий?»

А медведун ещё раз меня взглядом мазанул, через плечо перекинул и поволок. Причём таким бодрым шагом, как будто я и не вешу ничего. Не иначе к себе в пещеру тацит. Ему ещё дубинку в руки – вылитый неандерталец.

Да что это такое! Куда меня несут? Требую конвенцию по защите прав военнопленных. Изнасилование, слава Богу, откладывается, но и это не дело так со мной обращаться. Ещё и грудью голой об его спину тереться. Безобразие! И главное – не приподняться, сиси сразу на обзор выставляются. Попробовала сама оглядеться, так на меня смотреть все стали. Радхары эти. Слюни только не потекли.

Краем глаза телеги засекала: где утварь, где животные, где девушки, грустно сидящие на соломе. Кто-то из них плакал, кто-то опустошённо смотрел вперёд, даже не прикрывая тело, сверкающее наготой через разорванное платье. Изнасиловали. Вздохнула. Вот и меня так же будут: «Любить». Если что не придумаю. Но пока в голову ничего не приходит.

А девушки тут крепкие, смотрю, кровь с молоком. Я их на полголовы точно меньше буду, а то и на голову. А гризли, который меня тащит, так на все две выше меня маленькой. И запах от него идёт странный. Нет, — я принялась, — не неприятный. Не духи, конечно, но и не противный. Терпкий такой, пронзительный, как специи южные.

— Мужчина, может, вы меня тоже в телегу посадите, я, наверное, вам уже плечо отдала?

«Отпусти ты меня на землю, блин».

— Не по чину герцогиням в телеге с простолюдинами ездить, — хмыкнул он, — тем более веса в тебе, как в овце. Да и я первый раз аристократку поймал.

Вот спасибо за доброе слово.

Я начала ёрзать, подбрыкиваться. А он шлёп меня по заднице, как раз по тому месту, где припекает:

— Не шебуршись, — рычит. А рука его, видимо, дырень в штанах моих нащупала, которая, скорее всего, при падении со стены организовалась. И так снова шлёп-шлёп там, но лего-нечко, уже больше с исследовательским интересом. Чувствую, рука внутри этой дырки заползла и там уже всю изысканиями занимается.

Вот попадос. Я ноги сжала, чтоб не лезли, куда не надо. Он на ягодичке остановился. Давай наминать. Нашёл антистресс себе. Я было попой недовольно задёрнула, а этот зверюга хохотнул и пробасил:

— Будешь дёргаться – укушу, — и зубами около попы клац.

Я и притихла. Фиг их знает, этих радхаров. Вдруг и вправду цапнет. Давай в воспоминаниях Ханны копаться. Что там ещё про радхаров есть? В самом деле куснуть может?

Ну, рабов и рабынь уводят с человеческих земель. Дальше что? Ошейники вешают заколдованные. Стоп, а кто у нас там колдует? Шаманы какие-то. А у людей магия есть? Ага, имеется. И маги есть, и ведьмы с колдунами с Северных островов. Первые не особо сильны, а со вторыми лучше не связываться – злобные и, поговаривают, с радхарами этими задружились.

Так, это всё не то. Людей кусают? Фух, замечены не были. Значит, врёт мой гризли, пугает только. А оттого, что я опять в воспоминания ударилась, в голове прострелы начались. Поняла, поняла – не буду больше.

И укачало на плече болтаться. Вон уже рассвело. Солнышко на небе светит. Птички чирикают. Мухи с осами летают. Кыш, проклятая. Здоровая-то какая.

— Мужчина, — пошевелила я попой, — а привал скоро? Меня уже тошнит от такой поездки.

— Точно герцогиня, — хохотнул медведь, — другая рабыня тряпочкой бы висела, слёзы лила, от страху тряслась, а ты вон возмущаешься.

— Ну-таки я и не отрицаю своё аристократическое происхождение. И даже намекаю во весь голос. А в рабство обязательно идти?

— Ага.

— А по-другому никак? Может, я что интересное предложу.

Ну, например, как яхты строить с лодками. Недаром же я в яхт-клубе и это дело изучила с нуля, можно сказать. Но медведишко заинтересовался в другом направлении, видимо, такие мысли о другой роли женщины никогда не возникали:

— В постели искусница? Камешками одарю, но ошейник всё равно получишь.

Вот блин.

— А может, я тебе в другом пригожусь, а?

— Человечки нам пригождаются либо в постели, либо в хозяйстве. С последним ты вряд ли справишься. И делать ничего не умеешь наверняка, и соплей тебя перешибёшь. А задница твоя мне очень зашла, так бы и мял. Поэтому в наложницы определю. Ты, кстати, девственница?

— Мужчина, вы хам. Разве можно такое спрашивать у девушки? Это личное.

— Это личное уже моё. Всё-таки удачно сходили в набег, вон какую диковинку отхватил. И он встряхнул меня на плече. Грудь опять шлёпнулась об его спину.

— И сиськи у тебя ничего – горячие. Греть меня будут в холода. Скоро ветра повеют.

Шутишь, медведущко? Я у тебя ещё и обогревателем работать буду? В средневековые дамы в постель мелких собачек брали, чтоб греться. Ты меня за мелкую собачонку держать будешь? Сейчас сама укушу тебя за задницу, только дотянуться бы. Диковинку он отхватил. И я опять взбрыкнула попой. За что получила шлепок, который опять перешёл в тисканье.

Что удивительно. Припёк после его массажирования почти не чувствовался. Прямо прохлада от ручки его пошла. Ягодице легче стало. Ободрала, что ли, при падении. Глянуть потом надо будет.

Укачивает. Фу. Но просить поставить на землю больше не буду. Чтобы отвлечься, опять в воспоминания Ханны погрузилась. Клинок клином буду вышибать. Болью тошноту. Залезла в те, что про последние минуты её жизни.

Так почему эти уроды меня со стены всё же сбросили?

Глава 3

Я, как видео на телефоне, пролистала воспоминания и коснулась того момента за несколько минут до падения.

— Ханна, не дури. Какое сражаться. Мы уходим по подземному ходу. Чего тебе эти людишки? Бабы ещё нарожают.

— Подождите. Какому подземному ходу? — я изумлённо взглянула на Алана, моего жениха, и перевела взгляд на его отца, по совместительству моего опекуна.

Тот раздражённо поморщился. Близкий друг моего отца, очень дальний родственник, заботившийся обо мне два года. Практически сразу после того несчастного случая на охоте в горах. Никто не понимал тогда, как папа мог сорваться со скалы. Король почти сразу назначил его моим опекуном.

— Дядя, — начала закипать я, — здесь есть подземный ход? И вы мне не сказали про это? Тот укоризненно взглянул на Алана и процедил с неохотой:

— Есть. Ведёт отсюда из подвала на берег реки. Помнишь там валун огромный? Проезжали.

Я растерянно кивнула. Смысл слов постепенно доходил до моего сознания.

— Аккурат рядом с ним выходит.

— И вы молчали? Вы знаете, что будет с моими людьми здесь? Их же в рабство уведут. А что с девушками они делают! Дядя! Как вы могли! И сейчас каждый меч на стене важен, вы собираетесь бежать? Да я королю расскажу, — мой голос стал повышаться и дрожать.

— А ты, Алан, я же любила тебя. А ты оказался трусом. Я разрываю помолвку, — зазвенел мой голос. Но он терялся в шуме лязга начавшейся битвы, мечей. Да и кто мог его услышать, уже рядом никого не было. Радхары били в ворота тараном, а бойцы собирались там.

И тут опекун шагнул мне за спину и схватил. Крепко.

— Девочка моя, — донёсся мне на ухо вкрадчивый шёпот, — почему я должен всегда кого-нибудь убивать из вашей семейки? И одинаково главное. Папашу твоего. Тебя. Почему у нас с тобой не сложилось по-хорошему. Вышла бы замуж за Аланчика, и все были бы довольны. Но ты не переживай, герцогство останется в хороших руках, — усмехнулся он. — И не надо пугать меня гневом короля. Наш дорогой правитель пообещал мне после одной услуги, что поддержит меня и в случае женитьбы моего сына, и в случае твоей смерти. Ненасильственной конечно, несчастного случая. После этого, кстати, родовой камень признает меня герцогом, как единственного родственника, хоть и очень дальнего...

И в следующий миг меня толкнули вниз. Не знаю как, как кошка, наверное, я извернулась в полёте и, вцепившись пальцами за край стены, повисла.

— Алан, — жалобно закричала я, всматриваясь в глаза моего жениха, — помоги.

Он ринулся ко мне. Я облегчённо вздохнула. Ну дядя! Ну гад! Конечно, мой жених не такой. Он спасёт меня, — пронеслось в моей голове. Но Алан, вместо того, чтобы меня вытаскивать, склонился надо мной, вертя перстень на пальце:

— Ханна, жаль, что у нас с тобой до свадьбы ничего не было. Всё хотел твои сиськи помять.

— Что-о?

— Но не судьба, дорогая.

И он высыпал на меня из открывшегося перстня чёрный порошок, который закружился облаком и скользнул в мои ноздри.

— Что ты творишь, Алан?

— Это чтоб душа сразу отлетела. А то вдруг выживешь, а нам некогда с тобой морочиться. Уходим, отец, — и эта скотина с силой наступила пяткой на мои вцепившиеся в край пальцы.

Вот оно как! Я потрясла головой, отгоняя воспоминания от последнего полёта.

Вот собака гиеноподобная. Рейдеры! Герцогство себе забрать захотели. И король в деле. Ну я вам устрою герцогство. Выберусь и устрою. Гадом буду, но отомщу. Что за карма надо мной повисла? Мало того что в прошлой жизни первый муж обокрал, второй муж бизнес отжал, так ещё и здесь обидели. Тогда плюнула и забыла, только броню нарастила. А теперь не прошу. Хватит мной пользоваться!

Такое меня зло взяло, что я засопела, как паровоз. Шлёпнула несуну по заднице и спросила:

— Мужчина, долго ещё? Привал вообще предусмотрен?

Медведь аж дар речи потерял от такого обращения со своей мускулистой попой. Опустил и поставил перед собой. У меня даже голова закружилась от такой быстрой смены положения. Я зашаталась и, чтобы не упасть, прислонилась к его груди, потом медленно начала сползать.

Меня подхватили на руки и встряхнули, что у меня зубы клацнули, чуть язык не прикусила.

— Сомлела?

Я кивнула.

— Ладно, значит, так понесу. Так тоже хорошо. Вид интересный.

Это он на мою грудь обнажённую намекнул.

— Сейчас дойдём до деревни предгорной. Вас в пещеру загоним. Отдохнёшь там. А поутру и украшения на шею получите, — и подхватив меня поудобнее, двинулся дальше.

Вот гадство. Значит, бежать надо в ночь. Хорошо, что он ножичек мой на ноге не заметил. Только бы с застёжкой разобраться.

Встреть я такого мужчину дома, очаровалась бы мощи исполинской. А вот здесь вся его моща, боюсь, в другое выльется. В постели. Бежать надо. В Медвежук тот же. Пока без ошейника ещё, а то перспективы у меня не радужные вырисовываются. Типа полгода я с этим носильщиком жизни радуюсь, а потом меня дальше как эстафетную палочку передадут.

Я, конечно, секса в прошлой жизни не избегала. Но замуж после неудачных замужеств больше не хотелось. С детками у меня не получилось. Я вздохнула. Поэтому в работу с головой ушла. Мужчины, за которыми я была бы как за каменной стеной, мне не встречались. И те, которые бы меня по жизни на руках носили.

Хотя вот он, носильщик, несет и ягодички мои наглаживает. Тьфу, чего это я?. В общем, я, наверное, не так выразилась.

И тут медведь мой спотыкаться начал. Этого ещё не хватало. Завалимся же.

— Мужчина, вы не груди мои глазами пожирайте, а на дорогу смотрите. Уроните же, а потом ещё и сами сверху свалитесь. А при ваших габаритах для меня это будет катастрофично. Может, всё-таки на телегу посадите?

Предводитель местный хмыкнул:

— Будешь болтать – за сиську укушу. Вот она передо мной соблазнительно колыхается.

Вот ёлки-моталки. Я вздохнула, грудь приподнялась ещё выше. Глаза у несуну плёнкой стали покрываться. Что-то в попу уткнулось. Стоп, Аня, не дыши. Не дыши, кому говорят. И я прикрыла их ладошками. Сколько смогла, столько и прикрыла. Потому как тити были большие, а ладошки маленькие. Не дыши и молчи.

А то ляпну опять что-нибудь, и точно вцепится. И вообще, у меня стресс от попаданства этого. Умерла себе спокойно, а тут попала в такое. Тащат как барана, пардон, овцу. И жених, ещё сволочь, чтоб ему провалиться, настоящую Ханну со стены сбросил.

Казалось, что мне делать? Плакать и ужасаться, так не привыкшая я к этому делу. Ну да, страшно. И в рабство вообще неохота. И девок этих на телегах жалко. Подданные мои всё-таки теперь. Надо думать и решать, что делать. Но не выть и не трястись. Уже давно в той жизни и избу поджечь могла, и жеребца за яйца поймать. Здесь также. Всё смогу. Я уже сильная.

И герцогство, что по наследству досталось, вот вообще злыдням этим неохота отдавать. Ладно, как говорил один знакомый: «слона надо есть по кускам». Значит, что делаем? Сейчас помалкиваем, сиськами не трясем, не провоцируем, а, ночью бежать.

Я скрипнула зубами. Женишка с опекуном найти нужно: по душам поговорить, и в полёт аналогичный со стены отправить. Ишь, заразы! Но не сразу в бой ввязываться. Обдумать всё надо. То, что они с девочкой сделали, стало для моей души последней каплей. Мечь – это то блюдо, что подаётся холодным.

Эти мысли пулей пронесли по моей голове. Потом о Ханне, выброшенной из тела, вспомнила. Улетела или ещё здесь болтается? Её бы помощь мне не повредила. Точнее, знания. В воспоминания лезть неохота.

После того как я прикрыла обнажённость, мой конь перешёл на более уверенную поступь, и скоро у подножия гор показалась маленькая деревушка. Ну вот и привал близко.

Меня поднесли к реальному загону рядом с горой, в которой виднелся вход в пещеру. Поставили. Я быстрее рубаху кожаную узлом завязывать на груди. Плевать, что живот оголился, зато драгоценные полушария прикрыла. Бронелифчик получился. Хотя, судя по наклонившейся голове Предводителя, такой элемент одежды ему прямо очень зашёл.

— Мужчина, вот что вы меня опять взглядом сверлите? Вы в своей жизни грудей женских не видели?

— Герцогских нет. И языкастые девки такие впервые встречаются. Дерзкая какая! Ты как со мной разговариваешь? Бабы молчать должны и нам хорошо делать! И знаешь, что я с такими нагими делаю?

Глава 4

— Изнасилуете? — и бровкой так игриво поиграла.

Предводитель даже опешил от надежды, прозвучавшей в моём голосе.

— Можно вначале и это. А потом низшим отдам.

Низшим? А это что за зверь? У меня почему-то слово «низший» с инфузорией-туфелькой ассоциируются. Или они простейшими называются?

Я поднесла руку ко рту и потянулась к радхаровскому уху, прижимаясь богатством своим к его груди:

— А это кто, позвольте поинтересоваться? И почему я их должна бояться?

Всё это было сказано громким шёпотом. Медведушко оглядел меня с ног до головы и немного озадаченно спросил:

— Тебя что, до этого времени в башне держали? А, герцогиня? В заточении или в домике среди болот? Уже как лет десять все человечки знают, кто такие низшие у радхаров.

Вот ёлки зелёные, ну не рассказывать же мне, что в моей новой памяти надо ковыряться и ковыряться. Что-то, конечно, лежало сверху.

— Почему в башне? Может, в темнице. Шучу. А может, не шучу. Ты же не боишься?

И тут радхар начал покрываться своей бронёй. Какие мы вспылчивые, однако.

— Вау, мужчина, а можно потрогать?

— Что потрогать?

— Пластинки ваши. Первый раз в жизни такое вижу.

И, не дожидаясь разрешения, стала их трогать. Да они непробиваемые. Постучала пальцем, попробовала подцепить. Такими крыши вместо черепицы крыть.

— А откуда они у вас вырастают, позвольте спросить? И вы их сбрасываете. Линька бывает? И много ли таких штук тогда с вас можно собрать?

Ошарашенный моей любознательностью, Предводитель не мог ничего сказать. А я аккуратно залезла пальчиком под пластинку и провела по нежной коже на животе. Тяжёлый вздох и приподнимающееся орудие было ответом на мои исследования. Как кнопку нажала, и всё заработало. Хотя, смотрю, у него этих кнопочек до дури.

Чётко обозначившийся бугор в штанах начал сигнализировать мне, что пора завязывать с изысканиями и отбегать куда подальше или менять тему.

— Вернёмся к нашим баранам, мужчина. То бишь к нижайшим. Это кто?

— Не нижайшим, а низшим, — слегка охрипшим голосом пробормотал Предводитель. — Радхары это. По рангу они самые низшие. Живут по пять десятков в домах.

— И почему мне следует их бояться? — я вопросительно приподняла одну бровь, при этом внимательно смотря за исчезающими пластинами. Ну надо же, как интересно. Я протянула руку, чтоб потрогать то место, где они были, потом вспомнила про волшебную кнопку и одёрнулась.

— Потому что, — Предводитель пришёл в себя, — те, кого мы отправляем служанками в их дома, не только пыль там вытирают. Они служат для сброса напряжения. И постоянно.

— А у вас дома, значит, служанки только пыль протирают, я так понимаю? — спросила я, всё не переставая думать про роговые пластины. А на детородном органе у них тоже вырастают? Спросить? Не спросить? А вдруг показывать начнёт. А я же только любопытствовать. Надо же, как природа их создала, а может, не природа? Может, они в лаборатории выращенные. И тут я поняла, что мой собеседник опять стал покрываться бронёй, и подняла глаза. Это чего он так раздухарился?

Ох ты, я же типа намекнула на его несостоятельность. Тело новое, мозги, видимо, из той жизни переместились. Я, когда задумываюсь, такое могу сказать: промежуточная стадия между мыслью и словом куда-то исчезает.

— Успокойтесь, мужчина, я всё поняла. Кроме пыли они ещё прибираются, наверное.

Его руки стали тянуться к моей тонкой шее.

Вот ведь! Сейчас придушит, — и я нырнула пальчиками под пластинки. Друг в его штанах опять зашевелился. Прикольно, однако. Выключатель, вот честное слово, как есть – выключатель.

Руки Предводителя затормозили в воздухе и легли на мои плечи:

— Женщина! — и меня затрясли, как игрушку-погремушку.

— Девушка, — пискнула я.

— Ты вообще мой трофей. Только очень дерзкий, смотрю.

— Мужчина, не надо так со мной перед моими подданными, — застучали мои зубы, — и между прочим, я ценный трофей. Может, вам деньги нужны? За меня дадут.

«Потом догонят и снова дадут».

— Я своих рабынь не продаю! — рычал радхар.

Не получилось. А жаль. Надо по-другому с ним, и вообще успокоить, чтобы медведишко бдительность потерял.

— Ну и не надо, как скажете. Мне у вас тоже нравится. На руках таскают. Украшение (чтоб его) на шею наденут. В лобик перед сном поцелуют. Не жизнь, а сахар.

Предводитель даже опешил:

— Я понял, ты малахольная. И тебя держали где-то за решёткой, а мы своим нападением тебя на волю выпустили. И запомни, мелкая, радхары не целуют!

— Ну вот, то мелкая, то малахольная. Оскорбляете вы меня, мужчина. Может, меня за другое в темнице держали. Может, я опасная, и зря вы меня выпустили?

Я настолько ошарашила радхара, что он оставил мои плечи в покое.

— Ты вправду из тюрьмы сбежала?

Я кивнула. И я стала плести легенду. Главное, чтоб пленные не разоблачили.

— Оборотень я. Насиловать полезете – перекинусь и хозяйство откушу. За что, думаете, уже за решеткой посидела? Соседний герцогский сын теперь без продолжения рода останется. Король во избежание дальнейших эксцессов с окружающими от меня обезопасил.

По-хорошему, эту участь я лучше женишку своему пожелала бы.

Предводитель недоверчиво поднял бровь. В глазах читалась работа мысли. Видимо, у него в голове не укладывалась мысль, что ему, огромному и крутому, могут так нагло врать в глаза. И кто? Девка неразумная, хоть и герцогиня.

— И низших у вас сколько, говорите, в домике живет? Будет у вас после меня домик для кастрированных радхаров.

Стоявшие рядом бронзовокожие стали прислушиваться к нашему диалогу и с опаской начали отодвигаться.

— Как предводителю скажу по секрету, что такие очень ценятся в восточных гаремах. Озолотитесь на них. Охота прямо за ними идёт. А что, любимых наложниц можно доверить. А я люблю по дому в неглиже расхаживать в прозрачной короткой сорочке. И представляете, вот этому без хозяйства в будущем, — я ткнула пальцем в застывшего недалеко радхара, — сиськи покажу, а у него в штанах ничего не шевелится. Смело можно на страже оставлять около наложниц, и даже обтягивающие штаны может носить для красоты. Поэтому подумайте над моим предложением. Решите заработать – можете сразу к нижайшим этим запускать. На ночь. Да и проголодалась я что-то.

Болтаю, а сама думаю: что несу? А что делать? Если бы Шахерезада не рассказывала сказки, ей бы отрубили голову.

Радхары издали кричат:

— Это, Предводитель, в нашем домике своих рабынь хватает. Не нужна она нам.

Чего это вдруг не нужна? Я симпатичная, и титьки у меня теперь большие, красивые. Перевела взгляд на стоящую недалеко кучку радхаров, зубами клацнула и плотоядно им поцелуй послала. Эти тоже начали отнекиваться от подарка в моём лице.

Один по широкому кругу обошёл Предводителя и говорит:

— Мы тебя, Предводитель Риг, очень ценим и уважаем. Твой это трофей. Вот с ним и разбирайся сам. Не претендуем.

Даже этот тысячник, который на мою грудь запал, и тот нахмурился. Не удивлюсь, если он начнёт статуэтку обратно требовать. Как дети малые, ей Богу, а с виду зверюги-зверюгами. Хотя девицам вон досталось от них.

— Да ладно вам, мальчики. Я не опасная, пока меня не трогают. И любвеобильная, но кандидат мне понравиться должен. А это я пойму только в процессе соития.

Сама думаю: фи́га они верят мне? Только если

Глава 5

Только если в самом деле такие оборотни в этих краях реально встречаются. Вот эта мысль меня напрягла. Эх, улетела эта душа или нет? Так, в памяти её копать не хочется – головняк зарабатывать. И если оборотни существуют, не отгребу ли я по полной программе за самозванство?

А Риг меня разглядывает с недоверием. Чувствуется, мозгов у него побольше, чем у его одноклеточных. Я улыбнулась ему искренне, глазками хлопаю, правду излучаю. Только полупопие опять стало припекать что-то.

Ничего не сказал Предводитель местный. Развернул меня и в загон толчком отправил. Я аж пробежалась по инерции. Мужлан! С девушками так нельзя. А забор тут высокий, не перелезешь. Пещеру надо глянуть, потом гору на предмет скалолазания оценить.

Загон был комфортабельный. С удобствами. С туалетом типа сортира с выгребной ямой, около которой кружился рой мух. Сёстры по несчастью потянулись ручейком за мной. Все они были опустошённые, грустные, молчаливые.

Что удивило: всем горошину чёрную давали и заставляли глотать. Это что за волшебные пилюли? Интересно стало. А меня почему обездолили? Пошла разбираться. Я что, рыжая?

— Эй, как вас там, Риг! Да-да, я вам, — закричала я от входа.

Радхар, беседующий с каким-то подчиненным, раздражённо оглянулся. Чувствовало моё сердце, он уже начинал жалеть, что я ему досталась. Главное, чтоб до побега не удавил.

— А почему мне горошки не дают? Всем дали, а меня пропустили.

Предводитель с какой-то необъяснимой тоской глянул на собеседника и вздохнул:

— Потому что это только им полагается.

— А я? — обиделась я. — Я что, не трофей ваш любимый? За какие грехи обездолили сиротинку? — я совершенно не врала. Ни папы, ни мамы у моего тела уже не было, ещё и обделяют.

— Это тем, кто под низшими сейчас был, сиротинушка ты тюремная, для общего заживления.

А-а-а, Семён Семёныч, они так девушек подлечивают для дальнейшего использования

— А может, мне для профилактики всё же дадите? Меня изнасиловать тоже кто-то обещал, — и подмигиваю ему.

Про себя добавила: «А то задницу припекает – сил нет. Хочется в корыто с холодной водой присесть». Но говорить вслух это не стала. Только сиськами тряхнула завлекательно. Типа: вот она я – будущая жертва насилия, только горошку дай.

На что Предводитель засопел точь-в-точь как тот гризли: брови насупились, глазами буравит, типа кто-то здесь много говорит. И этот кто-то – я красивая. Остальные тоже уставились, но не ес желанием прибить, а с недоверием. И шушукаться стали бронзовокожие:

— Это она специально завлекает, чтоб потом нас того.

Вот напугала на свою голову. Теперь шугаться будут по-чёрному. Раньше я заказчиков, не оплачивающих наши услуги, налоговой угрожала, а в этой жизни пугаю, что хозяйство откушу. Представила, как недобросовестным партнёрам лишением детородных органов грожу, и хихикнула. Дожили

Ладно, фиг с вами. Зубами клацнула и подмигнула самому ближайшему, кто на воротах нашего загона стоял. Тот даже через бронзовый загар побледнел и за второго охранника отошёл.

Потом на Предводителя посмотрела: тот только зверскую морду скорчил, головой укоризненно покачал, и опять повернулся к своему ближнему:

— Сейчас заберём рагхов и уедем с остальными. Оставляю твою десятку. Назначаешься ответственным за обоз. И за этой, — кивнул он в мою сторону, — глаз да глаз. Чудить начнёт – придушите, но не до смерти. У меня в наложницах герцогинь ещё не было.

Всё, кончилась езда на ручках, теперь как все поеду. Я повернулась и пошла к сидящим прямо на земле девушкам. Попой помахивая с дырой на штанах, чтобы воздуха больше заходило. Что ж там всё-таки так жжется?

— Девушки, — обратилась я к своим подданным. Те уныло подняли на меня глаза и хотели встать с земли, но я их остановила рукой.

— Я со стены упала, последние дни не помню. Что обо мне сказать можете?

Одна подняла на меня грустные глаза и сказала со вздохом:

— А что мы можем сказать, госпожа Ханна? Вы у себя в Медвежутске жили всегда, к нам, считай, первый раз прибыли накануне за реликвией. У вас же на днях признание родовым камнем намечалось. А тут такое началось.

Про родовый камень да про реликвию бы поспрашивать, но не будет ли это сильно подозрительным. Кивнула.

— И чем я там занималась в Медвежутске?

— А мы откуда знаем, госпожа? Неведомо это.

Это хорошо. Мою легенду никто не опровергнет. Где я там сидела и сколько.

— Как вы себя чувствуете, девушки? Легче стало?

Они грустно кивнули:

— Уже не больно, но от этого не лучше.

Это да. Сейчас им надо будет душевные раны залечивать. Ох, не могу, печёт попу – ужас. И главное, девушек не попросишь глянуть. Я извернулась, думаю, если штаны сниму, может получится разглядеть. Да нет, фигушки, зеркало надо.

В животе заурчало. Кушать, однако, хочется. Оглядела девах. Тоже, наверное, голодные. Пошла молотить по закрытым воротам:

— А нас кормить будут?

— Сейчас вас иметь будут, — раздался в ответ грубый голос.

— А если яйца откушу? И кто у нас тут такой языкастый? — стала я заглядывать в щёлочку, сияясь рассмотреть говорливого. Ишь, гадёныш озабоченный.

— Я тебя, милоч, сейчас сама по голове поимею, а потом под таким наркозом оскопирую или оскольпирую, ну ты понял... Есть, говорю, несите. Тебе герцогиня целая приказывает.

До меня донеслось перешёптывание:

— Ох и намучается наш Предводитель с этим трофеем. Лучше бы оставил, где нашёл. «Придушите, придушите», говорит, чего ж сам не придушил и с собой не взял? На нас самое трудное скинул.

— А правду говорила, что оборотница она?

— Да кто ж его знает. Хотя ведьма северная, сам слышал, рассказывала ученику шаманскому то ли про оборотней, то ли про духов – животных. Может и не врет. Видел дерзкая какая, уже сколько раз Предводителя доводила. Не на пустом же месте так наглет. Видать правда оборотень.

— Ну тогда схожу за едой какой для них.

И слышались удаляющиеся шаги. Через какое-то время притащили котёл неизвестных мне варёных корнеплодов и каравай хлеба. Принесли, поставили на землю. Хлеб мне вручили. Девушки потянулись к еде. Это хорошо, если аппетит не пропал.

После ужина я пошла глянуть пещеру. Не, там без вариантов. Ни одной дырочки нет. Навалено сено, видимо, вместо матрасов. Вышла, оглядела горушку. А здесь шанс был. Не знаю, какая физическая подготовка была у прошлой Ханны, но я бы смогла подняться по стене.

Друзья частенько на скалодром вытаскивали. Когда руки заняты – голова отдыхала. Отвлекалась я там.

Присмотрела маршрут. Там уступчик, там выбоинка. Вылезу. А с девушками как? И вздохнула – никак. Их если только на себе тащить.

Выберусь и трусцой обратно побегу. Жениху ещё не до конца в любви призналась. Вот кого достоинства мужского надо точно лишать.

Не успела я придумать для него все виды египетских казней, как ворота открылись и вошли три радхара. Походочкой вальяжной к девицам направились. Видимо, из тех, что поодаль при моих откровениях стояли или Фомы неверующие.

Охранники кричат от ворот:

— Вы только ту белую не трогайте, она трофей Предводителя и оборотницей может оказаться.

— Да знаем, не слепые, видели, как тащил.

Тю, насильники пожаловали. Где там мой ножик? Застёжка эта дурная, но отстегнулась. Вытащила и в рукав правой руки засунула. Лезвие до середины ладони торчит. Не видно совсем.

А эти девчонок себе выбирают. Руками по их телам шарят, ощупывают, похохатывают. Мои подопечные в слёзы, на меня жалобно смотрят. Ох ты ж мать. Девки по сравнению со мной – гренадеры в юбках, и я – хоббит. А что делать? Герцогиня же. И пошла я на охальников с грудью наперевес. Иду, сама представляю, будто не на грозных завоевателей тараном шагаю, а на мою бригаду, три дня день рождения отмечавшую и сроки завалившую.

— Мальчики, — говорю, — вообще-то на секс сначала старшую по иерархии приглашают. За мной в пещеру марш.

Те от такого предложения остолбенели. Видимо, впервые девка просто так к ним приставать начала. Попятились.

— Куда, милые? Ты, бородатенький, стоять, — хватать не успевшего отбежать радхара за пояс левой рукой. А правой, типа ногтем указательного пальца, от груди вниз линию рисую. Сама как ножичком полосну. Радхар взревел, отпрыгнул.

— У неё, кричит, на руках не ногти, а когти отросли. Смотрите, как она меня порезала!

Поворачивается к воротам, а там уже бронзовокожих с пяток собралось: заглядывают, а внутрь не заходят. А я ладонь повернула и палец демонстративно лизнула. Грязный, конечно, но что делать. И так кровожадно улыбаюсь.

— Сладенький, куда побежал? Стоять! — ласково так ему. А он к воротам, убежал всё-таки. Потом ухо к забору приложила и слушаю:

— Насилу убежал. Пострашнее змей подземных в Колыбели будет. Эти вон передо мной кольца крутят, ну страшные, но какие есть, такие есть. А эта, не дай Луна, перевернется в кого и в самом деле кусанет дружка. Ты посмотри, как она меня когтем разодрала!

Я хохотнула. Ну да. Страшно не то, что перед тобой, а то, что у тебя в голове. Сам додумаешь ужасов. Глянула на девушек, а они вместо того, чтобы меня благодарить, тоже испуганно глядят. Тьфу. Помогай потом людям.

Опять ухом к забору прильнула.

— Слушай, давай ночью ворота приоткроем, и пусть эта белая убегает, куда ей надо. А то даже к девкам не сходить. Утром Предводителю повинимся: «так и так не уследили». Сдаётся мне, он даже наказывать нас сильно за это не будет. А может, и наградит.

— А как мы её выманит из пещеры?

— Мальчики, — шепчу в дырочку, — меня не надо выманивать, я сама уйду, только двери настезь оставьте.

За забором затихли на чуть-чуть, потом спрашивают:

— Обещаешь?

- Клянусь пяткой вашего Предводителя.
- Не обмани.

Глава 6

Ну вот. Вопрос решился. Пойду, что ли, в пещере полежу, ноги вытяну, может, подремать получится. Ничего так — мягонько на сене. И пахнет вкусно. Главное, чтоб насекомые никакие тут не лазили. Взяла соломинку в рот, лежу, жую и думаю, в тёмный потолок пещеры уставилась.

Что делать будем, Анна-Ханна? Ну, можно выдохнуть, пока никто не видит. И зажмурить глаза. Сильно. Я в домике. Мне страшно, но я разрешу себе бояться потом. Под одеялом, накрывшись с головой. А сейчас я герцогиня, не показывающая слабости.

Да и в той жизни Москва слезам не верила. Интеллигентная девочка, влившая в истинную любовь, обросла панцирем. После двух мужей, которые, как выяснилось потом, изменяли и обокрали, она стала железной леди.

И я не разрешаю себе вести себя иначе. Я научилась идти напролом, быть наглой, напоистой, где-то грубой. Эта маска приросла ко мне с годами, и должно случиться чудо, чтобы она спала.

Всё. Успокоилась? Загнала всё внутрь? Маленькая девочка спряталась? Думай теперь, как жить дальше.

Конечно, первое надо весь этот клубок воспоминаний разматывать, но не сейчас. На большую голову бежать по темноте – дурная идея. Хотя луна эта местная как фонарь около аптеки светит. Может мне у этих охранников ещё и лошадь попросить?

Пошантажирую, скажу, что раздумала без коняшки убежать, нога заболела. Ну ладно, лошадь дадут, а что с ней делать. Я даже не знаю, с какого конца к ней подходить. Вроде с морды нельзя – укусит, сзади – лягнёт. Может тогда и телегу потребовать в придачу? Сяду на телегу и поеду? Не, это, наверное, уже наглостью будет.

Что ж так попу то печёт, а? Повернулась набок, может, так лучше будет. Дальше думаю. Доберусь до города, где меня опекун порешил с сыночком, а там головешки одни. Плохая идея. Идти в Медвежутск? Придётся, что делать.

Здесь мне либо постель греть этому Ригу светит, либо пошлют служанкой отрабатывать в дом к инфузориям. Тошнить от этой мысли начинает. Лапшу вешать, что я оборотница, долго не получится. По крайней мере, предводителю местному. Тот, конечно, тугодум, но не дурак.

— Блин, — выругалась я вслух, — да что там у меня такое? — вскочила, стянула штаны и стала крутиться, пробуя рассмотреть, что у меня так горит.

— Вот оно что, — донёсся до меня тихий голос. Голос той самой изгнанной души настоящей Ханна.

— О, ты вернулась, — обрадовалась я.

— Я не вернулась. Я улететь не смогла. Меня что-то держало. И я не могла понять что.

— Слушай, ты очень вовремя появилась. Скажи мне, ты дорогу в этот Медвежутск знаешь? Я бежать собираюсь сегодня ночью.

— Тебе не нужно в Медвежутск, чужая душа. Тебе вначале надо возвращаться в Выдорг, где я погибла, а потом уже в столицу мою.

— Зачем, позволь спросить. Мне что? Бесплотным духом по развалинам там шататься?

— Ты должна кое-что найти. Реликвию. Статуэтку полярного медведя из белого хрусталя. Как хочешь разгребай завалы в ратуше, но найди, иначе умрёшь.

— В смысле? С этого места давай поподробнее. Раз я уже умирала и второй раз так скоро испытать всё это совсем неохота. И ты про что речь ведёшь? Не про такую маленькую с ладонь безделушку?

— Да.

— Ну так она у Предводителя сейчас. Сама видела, как её тысячник ему вручил. Дурачок! В очередь на меня решил встать. А бежать надо. Я сегодня здесь всех так довела, что они сами пока готовы от меня избавиться, на завтра полагаться нельзя.

— Тебе нельзя сейчас бежать. Только со статуэткой, иначе тебя медведь растерзает.

Я от неожиданности даже на солому голой попой уселась. Ойкнула. Натянула штаны и села уже по-человечески.

— Ханна, миленькая, какой на фиг медведь? Что-то медведи меня сегодня целый день преследуют. Один гризлиподобный до груди моих домогался, потом статуэтка, теперь какой-то медведь меня хочет загрызть.

— Послушай, Анна. У меня мало времени. У меня сил не осталось, и на небо не пускают. Видимо, пока я не расскажу, что с тобой происходит, — Анна стала говорить тише, и мне приходилось прислушиваться изо всех сил.

— Как хочешь, доставай статуэтку и потом, когда в Медвежутск пойдешь, держи рядом с собой всегда, даже когда спишь.

Я с тревогой заметила, что голос души начал слабеть. И тут еще во дворе загалдели и заорали так, что даже в моей пещере это было слышно. Да что это происходит в конце концов, мать твою?! Здесь вопрос жизни и смерти, а они там ржут, как жеребцы.

— Сейчас, подожди одну секунду. Никуда не уходи, — и я выскочила из пещеры.

— Это что такое? — заорала я хорошо поставленным в той жизни командирским голосом. — Ну-ка тихо. Я тут себя сдерживаю, чтобы не обратиться и на охоту не пойти, а они там галдят.

Подняла лицо к темнеющему небу и завывала. Старалась с переливами и зловеще, на синюю луну. За забором воцарилась гробовая тишина. Девушки тоже смотрели на меня с неким ужасом и с элементом восхищения. Спать они устроились здесь же на земле, тесно прижавшись друг к другу.

А я вернулась в свои VIP-покои.

— Продолжай. Приструнить пришлось орду эту, а то вон шум подняли какой.

— Анна, я теперь понимаю, почему дух рода тебя выбрал, — прошептала душа с тихой грустью. — Ты сильная и смелая.

— Ханн, — прервала я поток её восхвалений, — давай перейдём к нашим баранам, то бишь медведям. Тебя вот-вот на небо выдернут.

— Дух рода давно никого не выбирал. Очень давно. Это перешло в ранг легенд. Наш род Снэ-бьёрн не просто так называется. Это

— Ханна, я знаю «Полярный медведь». Увидела это в твоей памяти. Дальше что? — невежливо перебила я, начиная волноваться.

— Это дух рода. Он просыпается в избранном с сильным характером и начинает расти. В тот момент, когда он вырывается наружу – это зверь. Огромный мощный полярный медведь. Дикий, необузданный, свирепый, готовый броситься и растерзать всех вокруг, даже своего хозяина. Его первого. Для чего была нужна статуэтка? Я должна была забрать её перед ритуалом признания и поставить на родовой камень. Он ее усилит. В момент вашего раздвоения статуэтка лишит силы духа медведя, и носитель, воспользовавшись этим моментом, должен победить его. Прижать к земле и поставить ногу на голову. Тогда дух подчинится и будет служить носителю. Или можно его убить, но тогда дух пропадёт. А без статуэтки ни один человек не сможет с ним справиться.

— Да ладно! — захотелось выругаться и заплакать одновременно. Я осмотрела своё миниатюрное тело. Самое мощное, что у меня имелось в арсенале – это бюст. Мне этого духа что, грудью завалить? Если бы я в кого-нибудь попала с комплекцией, как девушки во дворе, у меня был бы шанс. Захотелось завывать, как минуту назад.

— У-У-У-У-У-У-У-У, — отпустила я свою душу.

Так, Анют, успокаиваемся и дышим. А то радхаров распугаю. Бросят всё барахло и сбегут. Ищи их потом свищи по предгорью этому.

— Ханна, ладно, ок, добуду я эту статуэтку, прибегу с ней в столицу вашего герцогства и что дальше делать? Слова какие надо произносить будет или движения? Или сколько времени у меня есть? Есть у меня подозрения, что долго я буду добираться до туда. И как его побеждать? Медведя этого.

Глава 7

— Ханна?

А в ответ – тишина. Всё – исчезла. А кто мне дорассказывать будет? Да, в памяти у неё это есть, только, скорее всего, в такой глубине, что я окочурюсь это дело вытаскивать. Что такое не везёт и как с этим бороться.

Я, как загнанный зверь, стала метаться по пещере. Так, ну-ка успокоилась. Выдохни, тебе говорят. Ты справишься!

Выглянула наружу – темно уже. Полнолуние на дворе. Может, на луну повить? Помогает вроде. Видимо, это оборотень во мне просыпается, точнее, не оборотень – дух рода. Подождите, у меня же медведь, а не волк. Медведи же не воют. Они злобно рычат, и я попробовала рыкнуть.

— Р-р-р-р-р, — нет, вой лучше получался.

Послышался всхлип. Смотрю, подданные мои в уголке дальнем сгрудились, глазками испуганными зыркают. Ну и шут с ними. Власть должны бояться. Боятся – значит уважают. Я сильная и непробиваемая, пружина как носорог.

Со скрипом распахнулись ворота загона, «велком» типа. То есть не «велком», а «гуд бай». Ага: два раза по три раза. Куда я теперь без статуэтки? Но потроллиить надо.

Подхожу к открытым воротам, выглянула: никого.

— Дамочки, — обернулась к девушкам, — домой сбежать никто не хочет? Выпускают нас.

— Не вас, а тебя, — донеслось из ближних кустов.

— Поговори мне, — рыкнула я, — нас выпускают: или все, или никто.

Теперь уже из кустов завывли.

— Ну, сбегать будете или к одноклеточным дамами сердца пойдёте? Да не бойтесь – своих не кусаю. Тем более без меня побежите. У меня дела тут образовались.

Девушки переглянулись. Встали и, с опаской проходя мимо, кланялись, шепча:

— Спасибо, госпожа.

— Идите уж.

Когда последняя скрылась в темноте, я встала около ворот, привалившись к столбу, и стала рассматривать маникюр.

— Эй, ты, белая!

— Что надо, простейшие?

— Мы не простейшие. Мы нижайшие, то есть низшие.

— Какая разница. Что, спрашиваю, надо от меня?

— А ты чего с этими не сбежала?

— Сил нет. Голодная. Мяска хочу! — сказала, и в животе загудело. Всю жизнь была мясоедкой. Шашлык любила до умопомрачения.

— Мы невкусные, — донеслось из кустов.

— Ну что ж, давиться буду, — голову задрала и у-укнула три раза. Но так, не страшно, чтобы не убежали конвоиры. Кто меня к Предводителю потом повезёт?

В кустах молчали. Я напряглась. Не переборщила ли?

— Эй, мальчики, согласна вас на барана поменять: на мякоть, нарезанную в котле. И костёр мне разожгите. Да пень какой притащите что ли, негоже герцогине на земле сидеть.

Организовали мне это дело махом. Я стала нарезать мясо на мелкие кусочки.

— Эй, охранники, соль забыла. Может, специи ещё есть. И воды. На попить и руки помыть.

Притащили и это.

— Да, инфузории, ворота не закрывайте, чтобы не молотить зря, если мне что-нибудь понадобится.

Чем бы залить вместо уксуса? Чуть промариновать, пока костёр до углей прогорит?

— В вашей орде спиртные напитки имеются или убеждения не разрешают?

— Вино есть наше радхарское. Зелёное. Принести?

— Ага, и рюмку еще. Не пьянства ради, а для мерки...

Вытащила из принесённой бутылки пробку, понюхала, лизнула. Залила мясо тремя рюмками. Настойка не настойка, но крепкая. Такой напиток для меня крепковат. Я вечером после трудового дня любила бокальчик вина у камина тянуть. Сидеть одна-одинешенька дома и на огонь смотреть: языки пламени играют, завораживает.

Пока вспоминала, дрова в угли превратились. Насадилась мясо на стилет, как на шампур, и начала жарить.. Мама родная, какие запахи пошли. Сажу у костра, слюни пускаю. Судя по шепуршанию за забором и громкому сопению, не только я одна. Хм, мне кажется, у меня слух обострился. И обоняние. А может, кажется? Нет, точно слышу, как слюни сглатывают.

Не дам, жадная я. Самой мало. Наслаждаюсь в одиночестве. Как же вкусно-то! Конечно, я пожадничала. Три куса съела, на еще два гляжу: глаза хотят, а не лезет, и выбрасывать жалко.

— Эй, охранники, подите сюда. Угощу едой оборотнической.

Пошухукались, слышу:

— Сытая она, не должна напасть. Пойдём?

Заходят двое: здоровяки с мечами за спиной, а на меня маленькую с опаской смотрят.

— Не бойтесь, наелась я, — и икнула подтверждающе. Те духорятся, грудь выпятили, челюсти выдвинули:

— Чего нам бояться. Мы радхары. Мы – сила. Это ты нас должна бояться.

— Садитесь уж. Натё вам по куску мяса. Если понравится – ещё сделаю.

Сила они, — хмыкнула про себя.

Вспомнила, что где-то читала: «Идет ведьма ночью по дремучему лесу. То ли разбойников встречает, а те её и спрашивают:

— Не боишься, девица, одна по лесу ходить?»

А она и отвечает, плечиками тощими пожимая:

— А чего мне бояться? В этом лесу самое опасное создание – это я».

Чего стало с этими разбойниками далее – не сообщалось. Померли, наверное. Не своей смертью. Так и сейчас, похоже, в этой деревушке я для них, как та ведьма в лесу кажусь. А может, и не кажусь.

Хмыкнула, на радхаров взглянула, а они то на меня, то на мясо в котелке смотрят. Сожрали уже. Ладно, накормлю, что делать.

У меня на объекте на выезде перед сдачей яхты мужик, который есть готовил, слёг с простудой. Так пришлось самой приезжать, готовить. Неделю кухаркой у бригады своей работала, даже привыкла.

— Ножи есть длинные? — спрашиваю. — Да не бойтесь мне их в руки давать. Мои клыки в обороте поострее будут ваших тыкалок.

Всё-таки как успокаивает, когда ты что-то руками делаешь. Напряг с мозга снимается, начинаешь мыслить логически, без паники.

Есть ли у тебя план, мистер Фикс? Нету у меня плана никакого. Думать его надо. И главное – голодных этих пораспрашивать. Информацию собрать о том месте, куда мне надо будет сбежать.

Я насадила мясо на пять длинных ножей, заставила два камня притащить, положила на них ещё два ножа и разложила импровизированные шампуры. Откуда ещё шесть ножей кроме моего взялось? Так мои простейшие еще четырех тупфелек привели. На запах все потянулись. И, как слышала из переговоров за забором, мои охранники не бесплатно в загон ко мне запустили.

— Так ворота открыты, почему мы не можем просто так зайти?

— Это для неё открыты, коли уйти захочет, а остальным вход платный.

Надо же, предприимчивые какие. Видимо, заплатили. Зашли уважительно, не гремя оружием. Сели кружком прямо на землю около очага моего, мясо гипнотизируют.

— Ну что, мальчики, пока мясо готовится, пообщаемся?

Глава 8

Те так настороженно переглянулись, но, видимо, запах жареного мяса мозги затуманил, и они готовы были за мной идти, как малые дети за Крысоловом с дудочкой.

— Я буду спрашивать только общие сведения, — успокоила я их. — А кто будет отвечать более развёрнуто, то будет вознагражден.

И грозные мужики, убивающие не глядя, охочие до дамочек от 18 и старше (это я по ушедшим в бега пленницам поняла), смотрели на меня преданными глазами. Да, вправду говорят: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок».

А еще меня учили, что когда ты встречаешься с опасными людьми, ты можешь сделать только две вещи. Первую – бежать, как только их увидишь, а вторую, если первая не случилась, – не показывать свой страх. Как только ты его покажешь, на тебя бросятся сворой. Поэтому сейчас мой страх где-то глубоко внутри, невидимый ни для кого.

Ну что, продолжим?

— Расскажите мне про ваш быт.

И вот что я поняла из их сбивчивого, перебивающего друг друга, в надежде на лишний кусок мяса, рассказа.

С десяток, кажется, лет назад этот род пришёл откуда-то из сердца гор, из местечка, именуемого Колыбелью. Что-то их оттуда погнало. Твари какие-то типа змей огромных. Те самые, которых страшней только я, любимая.

Девять родов разбрелись в разные стороны. Их род – Крушители. Но это я почерпнула из Ханниной памяти. Глава рода – Риг. Это мне тоже известно было, но я слушала не перебивая. Почему? Потому что мужчинам нравятся, когда им внимают, они из-за этого больше прежнего стараются. Ты можешь их не слышать, но нужно слушать, серьёзно кивая при этом.

Выбили человек из предгорий, заняли их городки. Пришлось нелегко, не так как восточным родам. Риг даже помощи у другого главы рода просил. Имя у него было то ли Кыррг, то ли Керрг – пришел, помог. Радхары человеческие дома где заняли, где свои построили. Те, кто повыше чином были: по-одному жили, как их Предводитель, пять тысячников и сотенные. А вот десятники жили со своим десятком, но наложницы, те самые, что ложе разделяют, были их собственные.

Десятник, кстати, сейчас в деревне остановился. На страже местных девок стоял, чтобы нижайшие не насильничали случайно. Поэтому, пока никто из начальства не видит, эти шестеро у меня в загоне и устроились.

Риг не соврал, говоря, что с десяток служанок обслуживают пятьдесят мужиков. Девушки там трудились не покладая рук или чего-то там другого. Мальчики, кстати, дюже расстроились, что я своих подопечных выпустила, нового пополнения не будет.

— Слышьте, любвеобильные вы мои, а как девушки не стираются после этого до основания?

— Так горошины на что. Мы мужчины сильные, нам напряжение по несколько раз в день снимать надо.

Горошины, значит, те самые. А попу мою припекать продолжало, но не так уже сильно: тупая боль стала и расплзающаяся какая-то. Уже к бедру направилась вверх и по ноге вниз. Как вообще она связана с духом этим? И, кстати, что углядела душа там? Полцарства за зеркало.

— А у Предводителя как, кстати, с наложницами?

— Имеются, как полагается главе рода, но, конечно, не в таких количествах, как на Востоке. У нас здесь девок мало, да ещё традиции наши. Поэтому экономно к рабыням относимся.

— Так, мальчики, а с этого места поподробнее. Что там у вас за традиции?

Запах от скворчащего мяса шёл умопомрачительный. Вкупе с горящими углями картина у нас была очень располагающая к доверительной беседе.

— У нас девок около себя больше полугода держать нельзя. Поговаривают, что Керрг на три месяца увеличил срок у своих, так его шаман Ша Иргез очень был недоволен этим. Потом девки переходят тысячникам, через шесть месяцев к сотенным, далее к десятникам.

— И к вам потом? Таки мы, мальчики, через, — я задумалась, подсчитывая, — два года встретимся при более близких обстоятельствах? — и я улыбнулась. Ласково. Многообещающе. Будущих обладателей такого ценного приза в моём лице перекосило.

— Не-не, к нам изначально другие отправляются, — пошли в отказ инфузории. — К нам служанки из пленных только переходят. И они, и наложницы же не просто так ноги раздвигают. Зарплату за это платят – камешками. После службы их отправляют в подчиненные нам города, где они и живут.

— О как, значит, после этого я ещё и заработаю. Может, потом и к вам напроситься, когда все уровни пройду?

Растерянные переглядывания стали молчаливым ответом на мои домогательства.

— Ладно, ладно. До этого ещё дожить надо. Куда служанки-то ваши после этого деваются? Они же как последнее звено получают.

— Служанки на фермы уходят жить, в деревушки рыбацкие.

— А что по шаману поведаете? Что делать умеет?

— Шаман с учениками камешки заряжает, горошины вот эти готовит. Нам тоже достаются.

Я удивилась:

— Мальчики, я не поняла. А вам для чего они? Вас тоже того? Стирают до основания?

Жажущие шашлык засопели и покраснели так, что мне даже при скудном свете костра это стало видно, и стали покрываться пластинами.

— Придумаете такое. Ужас, — их передёрнуло. — Мы радхары. Мы сила! Нас никто так не посмеет стирать. Мы же в бой ходим, и раны, несмотря на наши пластины, все равно остаются, а горошины заживляют и меньше кушать хочется.

— А что ж вы, орлы, ко мне на шашлык припёрлись, если вы без аппетита тут?

— Так наш шаман уехал куда-то. Восточный шаман его вроде в Колыбель зачем-то позвал. Ученики остались, а они очень долго горошины эти готовят. Не хватает нам. Ведьма северная им помогает, правда.

— Кто такая? Чья будет? — напряглась я, раздавая шампуры радхарам.

Ну, естественно, минут десять было не до ответов: шашлык мой зашёл на ура. А я смотрела на жующих радхаров и думала: почему мне стало не по себе, когда я услышала про Северную ведьму? Что-то внутри меня заволновалось.

И только потом, когда нижайшие съели всё подчистую, рассказали мне о сопернице по конкурсу под названием «Самая опасная женщина».

Глава 9

Судя по тому маслянистому блеску в глазах и причмокиванию, дамочка была выдающихся форм.

— Груды во, жопа во, — разводили руки радхары. — Волосы чёрные, в косички заплетённые, а на каждой косичке бубенец.

— Зачем? — поинтересовалась я. — Чтобы все разбегались, услышав, как она подходит?

— Не, я слышал, как она нашему Ша Ургу говорила: это чтоб духов отгонять, тех, кого она уколошила.

Я удивлённо приподняла одну бровь:

— И много убиенных?

Радхары пожали плечами.

— А глаза у ведьмы синие, что наша луна, чёрным углем подведённые. Как зыркнет ими. Ух! И ещё, — перешли они на шёпот, — на Предводителя Рига нашего глаза она эти положила.

— В смысле положила? У вас традиции же.

— Вот ей луна, сам видел, когда на страже гарема стоял, как она к нему туда шастала. И шаман наш вначале зубами скрипел, а потом у духов поспрашивал, они и позволили. Как домой стала туда заходить. И в прозрачном чёрном одеянии норовит. Мы глаза отвести не можем, а она смеётся так, вроде залиvisto, а душу до костей пробирает. Жуть. И девку, наложницу одну, заклятьем приложила.

— С этого места поподробнее, пожалуйста.

Мне, конечно, Предводитель вообще не сдался, но Женщины, особенно ведьмы, народ злопамятный – раз, ревнивый – два, но ещё и выдумщицы страшные. Может, она его уже своим суженым-ряженым видит, а тут появляется моль белая. Летает около её возлюбленного, раздражает так, что прибить хочется...

Потом доказывай, что мне от него только одно нужно, а не то, что вы подумали. Кстати о птичках.

— И ещё, слушайте, мальчики, видела я, что тысячник вручил ему статуэтку. И сказал, что он, мол, любит такие диковинки. И что, правда любит?

Радхары кивнули.

— В сокровищнице держит драгоценности, всё за семью замками. Или иногда в покоях. Любуется ими. Я один раз ему бумаги носил – собственными глазами видел.

А вот это печалька, если статуэтка в сокровищнице осядет. Замки взламывать в той жизни я не научилась. Но если она в покоях, то это другое дело.

— Так что там про ведьму вашу и её нелюбовь к фавориткам?

— Она однажды притащилась, а Предводитель с наложницей в гареме был. Ведьма шасть к нему, а он её погнал. У, как она злилась тогда, чуть ли не молнии пускала. За косяк одеянием своим зацепилась, оно хрясь, и титька вывалилась. Я глаз отвести не могу. У меня и встал, а она глазищи сощурила и давай чего-то под носом бормотать, так у меня прыщ там вскочил. С месяц мучился.

Окружающие радхары заржали, но я на них цыкнула.

— Какая кровожадная! — посочувствовала я туфельке. Тот, видимо, не привыкший к сочувствию, захлопал глазами и посмотрел на меня как на мать Терезу.

— Ну, а с наложницей-то той что приключилось?

— А-а-а. Ну что-что: волосы вылезли на башке. Лысая стала.

— О как. А Предводитель что на это? Догадался, кто фаворитку так приложил?

— Да сразу. Он же не дурак. Сказал не пускать гадину эту в замок после ужина.

— А она? — заинтересовалась я Санта-Барбарой местного разлива.

— А она лезет к нему всячески.

— А он?

— А он... — инфузорий задумался, — а ему, наверное, пофиг, на ком расслабляться. Бабы же все одинаковые. Его только задело отношение к собственности. Мы, радхары, своё не отдаём.

— Ага, а как же передача наложниц по эстафете?

Радхар не понял слово «эстафета», но понял смысл:

— Традицииии, — протянул он.

— Слушайте, а куда ваш Предводитель рванул так?

— Глава южного рода должен прибыть на трёх кораблях. Риг два хочет выкупить, команду обучить и с моря контролировать земли.

Тут послышался издали звучный голос:

— Охрана, вы где шаритесь?

Мальчики мои вскочили:

— Десятник припёрся. Накажет.

— Не бойсь, парни. Делаем так. Я сейчас завою, кричать буду, кидаться на вас. Вы меня типа хватаете и к земле прижимаете. Десятник заходит, вы говорите, что я обернулась в невесть кого: ворота вышибла, рабынь выпустила, хотела сама сбежать, но вы доблестно меня остановили. А я уже свой вид приняла, — это я произнесла скороговоркой.

Парни переглянулись и кивнули. А я как завою. Бутылку с котелком в руки одному сунула и на пещеру указала. Тот сразу смекнул, что я хочу, и помчался прятать следы преступления. Я ору, вою, потом на землю улеглась, глазами на руки с ногами показываю. Хватайте, дескать. Они схватили.

Десятник вбегает. Ну, думаю, надо сейчас побольше подрыгаться, чтобы тот поверил. И что потом произошло, я не знаю, но когда резко напряглась и дёрнула руками, ногами — радхары отлетели кубарем. Мать честная. Это что было такое? Самой страшно стало. Села, коленки к груди подтянула, руки подняла:

— Всё, — говорю, — я успокоилась.

Думаю, не дай Бог, дух начал вырываться. Нет, дорогой, подожди. Я же не подготовленная к этому таинству.

Радхары по заборчику, по заборчику и к десятнику. А он рот открыл, глаза выпучил, смотрит на меня маленькую. Я на него. Мужчина, я с Вами солидарна. Понимаю Ваше состояние. Я бы тоже опешила.

— Извиняйте, — говорю, — ваши мальчики очень старались мне противоборствовать. Больше хулиганить не буду. Везите меня спокойно к вашему Предводителю завтра, а пока я спать пойду в своё логово, пардон, пещеру.

Иду. Думаю. Это что? У меня не только слух обострился, но и силища появилась. Слышу, как он своих распекает:

— Какого рожна вы её держали? Пускай бежала бы, куда ей надо. С такой страшно теперь в одном посёлке жить.

А эти предатели закудахтали:

— Точно ужас-ужас. Одна ведьма была в городе чёрная. Теперь ещё и белая появилась.

Ну вы у меня получите, одноклеточные. Фиг я вас ещё шашлыком угощать буду. Решила пугануть напоследок:

— УУУ! — завывла.

Все исчезли молниеносно, и ворота не заперли, наоборот, настезь оставили. Хмыкнула, вернулась, захлопнула дверь. И хотела было податься в пещеру, но решила снова посмотреть, что за мощь спряталась в таком хлипком теле, и саданула со всей мочи кулаком по забору. Пошалить захотелось, не иначе как молодые гормоны заиграли.

— У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У, — заорала я, баюкая свою ушибленную руку.

Вот дурында, надо было так бить-то? Никакой богатырской силой уже и не пахло. Испарилась. Что было? Дух во мне так знаки подаёт о своём существовании? Еле уснула после этого. Рука ныла.

А потом мне приснился сон: Морозный свежий воздух, который можно нарезать ломтями, вкусный до одурения. И я втягиваю его носом. Рядом огромный белый медведь осторожно ступает по хрустящему белому снегу. И никого больше. Мы одни бредём, куда глаза ведут. Даже ветра нет. Белое безмолвие. И только пустая Вселенная глядит на нас мраком глаз.

Я задираю лицо и смотрю на чёрное небо, по которому несутся всполохи северного сияния, и хозяйкой висит мертво-синяя луна. И мне так хорошо там и спокойно. Я иду босиком в белом прозрачном платье, переливающимся, как снег в огнях сияния. Никуда не нужно бежать, никому ничего доказывать. Я могу быть там сама собой.

С неохотой открыла глаза и уставилась в потолок пещеры. Что это было?

Утренние лучи бегали по нему солнечными зайчиками. И тишина. Стоп. Какая тишина? Утро же. Там же радхары должны оружием бряцать и переговариваться. Да ещё ошейник рабский мне сегодня должны примерить.

Вскочила и побежала к воротам. Выскочила наружу.

Ах вы, заразы! Ну я вам покажу Кузькину мать!

Глава 10

Эти редиски решили сбежать по-тихому. Если бы я не проснулась вовремя, их бы след простыл. Чуть ли не на цыпочках, оттолкнув телеги вручную чуть в сторону, они запрягли в них коней и попробовали свинтить. Еще, наверное, и копыта тряпками обмотали.

Выскочила я из ворот весьма вовремя. Там вдали только пыль клубится. Эту тему они не учли. Им бы надо было ещё дорогу пролить водичкой. Якобы, вот был обоз, да сплыл. А так они выдали себя. Да уж, покой нам только снится.

Степной кобылицей я и припустила за ними. Бегу, ворчу: «Я их пою, кормлю, вину на себя забираю. А они. Подумаешь, в стороны разлетелись. Так это один раз было и то случайно. Вот ни стыда ни совести у этих инфузорий-туфелек, смотрю, не имеется».

Когда в обозе услышали топот моих быстрых ног, обернулись, тяжело с тоской вздохнули и остановились. Я, запыхавшись, только пальцем погрозить смогла. Молча залезла в телегу, набитую сеном, где раньше ехали мои подданные, которых я вчера на волю выпустила. Свесила ноги и огляделась. Телега тронулась.

Сейчас уже все, кто не был извозчиком телеги, ехали верхом. Видимо, животных своих перед набегом здесь оставили. Резонно. Там по городу на лошадях особо не повоюешь. Радхаровская лошадь заржала.

Мать честная, если это лошадь, то я почталыон Печкин! Зубы как у льва. У меня даже глаза расширились. А копыта Не было у них копыт. Лапы были с когтями.

— Эй, простейший, — окликнула я радхара, поравнявшегося со мной, — это что за зверь под тобой? Впервые раз таких мордазрею.

Этот был один из прикормленных мною охранников. У него косичка от виска была заплетена. Да и сейчас, пообщавшись с ними, я стала их более-менее различать. Они реально были разные. Хотя вначале на одно лицо казались.

Тот покосился на едущего впереди десятника и сказал негромким голосом:

— Рагхи это. В предгорьях водятся. Дикими табунами ходят. Зверюги ещё те. Человеки их приручить не могут, только радхары с ними могут справиться. Потому что мы рождены вместе из вулкана. Мы – из лавы, и огонь в наших жилах, а рагхи – из пепла.

Я задумчиво посмотрела на скачущего рядом радхарского коня.

— Из пепла, говоришь.

Рагх покосился на меня чёрными глазищами и игогокнул. Что-то у меня замкнуло в мозгах: я протянула руку, чтоб похлопать его по морде, и то ли я напугала его этим движением, то ли запах мой ему не понравился, но в общем рагх этот как дёрнется в сторону с таким истошным ржанием, что у меня в ушах заложило. Туфелька мой, который инфузория, слетел с него на землю, не удержавшись. А рагх рванул прочь.

Сижу. На облака смотрю. Сама скромность и чистота. А кто виноват? Не знаю. Я ни при чём. Главное – не признаваться.

Остановился обоз. Десятник подъехал. Мой покалеченный насилу поднялся, идет к нему, хромает, сам на меня с испугом косится. Я на него взгляд искоса бросаю, бровью двигаю, глазами страшный знак делаю, мол «молчи, несчастный, а то съем».

Он сглотнул, сжался, глядя на десятника, что сказать – не знает. Тогда я взяла разговор в свои руки:

— Какие у вас осы в предгории водятся злые, и в нос рагхов всё норуют залезть. Сама видела. Вот коняшка ваша и сбежала. Кусили ее, наверное.

Одноклеточный мой молчит, затравленно на командира смотрит. Тот задумчиво на него, а затем спросил:

— Почему раньше никого не кусили, а только сейчас начали?

— Всё когда-то впервые случается, — ему объясняю.

Тот губы пожевал, помолчал, понимая, что правды не добиться, а только то, что я рассказываю, и говорит:

— Лезь в телегу, что могу сказать.

Здесь вдруг покалеченный взмолился:

— А можно я лучше с баранами поеду?

Я так на него удивлённо поглядываю:

— Ты чего, милый, не хочешь больше со мной общаться? Меня на баранов вонючих променял?

А через две телеги вперёди телега с баранами ехала, связанными по ногам и уволочёнными из моего города.

Инфузория в мою сторону даже повернуться боится, жалобно так на десятника смотрит. Того, видимо, проняло.

Пришлось мне продолжать путь в одиночестве гордом. Сунулась было к извозчику, а он, зараза, руками на рот и на уши показывает, типа глухонемой. Ага, видела я, какой ты глухонемой, когда вчера трепался о чём-то с другими. Я твоё полуоторванное ухо ещё тогда запомнила. Получишь ты у меня шашлык.

Ладно, думаю, полежу, поразмышляю о судьбе своей. Ожог мой ягодичный вроде приутих, но всё равно тянет слегка. Легла на спину, соломинку жую. Надо мной облака летят: крапивые, белые, пушистые. И луна этого мира: синяя ночью, а сейчас белая днём.

Я закрыла глаза. Вспомнила сон. Поймала себя на мысли, что снова хочу туда. Почему-то мне было там очень хорошо. Вдыхать морозный воздух, слышать хруст снега, просто идти среди торосов и блестящих сугробов, смотреть на сияние и на эту самую луну. Не нужно никуда бежать, никому ничего доказывать. Не надевать маски, не сжимать волю в кулак. Ничего. Хотелось просто идти по этой ледяной пустыне. Иногда устаёшь быть сильной женщиной. А ею я стала с восемнадцати лет.

Мама меня родила рано, одна. Замуж за отчима вышла в тридцать семь, и через год у меня появились сестрёнки-двойняшки. А еще через год отчим погиб в аварии. И я стала кормилицей в семье. Жалко же их было. Волокла всех, потом и мужей.

Было бы такое место наяву – бегом побежала. Плюнула бы на всё. И на герцогство забила. И на статуэтку эту. Стоп, а вот на неё как раз мне и нельзя забивать. Потому как недолго я без неё в пустыне этой проживу.

Ты лапки мохнатые во сне видела с коготками? И как снег от его веса мнётся? И вот этой лапкой может так тебе прилететь без громоотвода. Ещё бы понять, что с этой реликвией делать. Но это второй вопрос. Первый – заполнить её надо. И как?

А шут его знает. Предводитель этот был из тех особей мужского пола, которым женщина нужна только для двух вещей: для постели и как обслуживающий персонал.. Всё. Это он чётко сразу дал понять: «Я старый солдат, не знаю слов любви, и не хочу знать». Таким подруги по жизни совсем не сдались. Выделять он никого не будет, и одаривать реликвиями тоже. И если думать, что «я такая-растакая очарую его в постели», то значит глубоко ошибаться.

Нет, здесь нужно что-то другое, чтобы он заинтересовался. А это всегда палка о двух концах. Поэтому лучше по-плохому, то есть найти свою собственность и возратить. Я всё ещё лелеяла надежду, что, может, она у него на письменном столе стоит или на тумбочке около кровати.

Ладно, об этом я подумаю завтра. Сейчас надо решить вопросы с информаторами и с оплатой их услуг. Я подняла голову и осмотрелась. Один из прикормленных забылся и рядом с моей телегой поехал.

— Эй, нижайший. Ты, ты. С тобой говорю. Ходи сюда.

Глава 11

И шёпотом ему:

— Как насчёт шашлычка вечерком? — и подмигиваю интригуяюще.

Туфелька хотел было сбежать, потом вкусовые рецепторы победили. Он сглотнул мигом набежавшую слюну и кивнул.

— Тогда расположусь сначала, потом во дворе знак подам. Место найдите тихое, обособленное, чтоб костёр развести, и притащите туда котёл с мясом, специи и настойку вашу зеленую. Посидим. Кстати, может, у вас есть что-то помягче из спиртного? Для дам. Вы своим радхаркам что наливаете?

На последний вопрос инфузория напрягся и пробурчал:

— Ничего не наливаем.

— Понятно. Непьющие они. Зато я хоть непьющая, но употребляющая. Редко, но бывает. Новоселье моё отметим.

Радхар задумался:

— Если только вино человеческое. Но оно как компот.

— Самое то, милоч. Договорились. Слушай, долго ещё ехать?

— Нет, за поворотом уже.

Так и было. Минут через сорок мы уже въезжали в поселение, выстроенное из крупного чёрного камня. Казалось, оно вгрызлось в красновато-чёрные скалы. Дома были в стиле а-ля бараки, около которых сутились девушки в серых одеждах с ошейниками на шее. А мне вот украшение забыли приодеть.

Высыпали радхары навстречу нашему обозу, провожая меня недоумёнными взглядами и перешёптываясь:

— Говорили же, новых пленниц захватили? А тут только одна.

Я, уже сидевшая вальяжно, будто подо мной не телега, а паланкин, окинула их с головы до ног презрительным взглядом и клацнула зубами.

— Я не понял. Это что сейчас было? — удивился один из радхаров. И тут же к нему подошли и начали про меня страшилки рассказывать. Самое смешное было потом, когда, не поверив рассказу, один воскликнул:

— Да ладно! Оборотница? Враньё.

На что проезжающий впереди десятник обернулся и мрачно кивнул в подтверждение. Вот так слухи обо мне разлетались быстрее ветра.

Когда мы въехали на большую площадь перед массивным двухэтажным строением, с другой стороны прискакал отряд радхаров во главе с Предводителем. Он изумлённо обзрел меня на телеге, затем обвёл взглядом обоз, видимо, искал остальных пленниц, и снова вернулся ко мне. Я игриво помахала ему пальчиками.

Риг вопросительно и мрачно взглянул на десятника. Тот подъехал и, постоянно оглядываясь на меня, стал ему чуть ли не на ухо что-то шептать. Лицо Рига стало вытягиваться по мере рассказа. Он смотрел на меня удивленными, но недоверчивыми глазами. Я вздохнула.

«Заложил», — мрачно подумала я.

И во избежание того, что сейчас на этой самой телеге меня отправят обратно, я сползла с неё и, разминая плечи и поясницу, двинулась к спешившемуся Предводителю. Он рассматривал меня так, будто я была чудом попавшим в музей экспонатом. Внимательно, словно ошупывая. Цепкий умный взгляд совершенно не гармонировал с медвежеподобной внешностью.

В этом его взгляде не было ни страха, ни испуга. Только недоверие, смешанное с лёгким интересом. И удивление, типа: «Мать честная, а она ещё и разговаривает?» Так смотрит кол-

лекционер на вещицу, случайно попавшую в его руки, и он пытался понять, насколько она ценна для его коллекции.. Даже ноздри стали раздуваться.

Только я хотела поинтересоваться, куда заселяться, как сзади послышался перезвон бубенчиков. Даже не оборачиваясь, я поняла, кто пожаловал. О, глянем на нового персонажа в этой пьесе под названием «Смерть ей к лицу».

Божечки-кошечки! Я даже опешила и на шаг отступила, оказавшись почти вплотную к Предводителю. Пришлось голову задрать, чтобы подошедшую дамочку разглядеть.

Ну что могу сказать? Не ожидала я такого зрелища. Аж дух захватило. Как и рассказывали инфузории, ведьма оказалась выдающегося роста и форм. Груды с мою голову, про попу даже слов нет, чтобы описать и обхватить. Талия, надо сказать, была тонкая. Песочные часы, в общем. Весу в этой мадаме было немало. Декольте до сосков, на груди бусики, и показалось мне, что непростые это были украшения. Чёрные волосы в косички заплетённые, по плечам разбросаны.

— Что-то я прямо и растерялась, — пробормотала я, слегка толкнув локтем Предводителя в живот. — Риг, а что, у вас тут раньше великаны водились?

Потом обернулась на него и спрашиваю уважительно:

— И ты, говорят, частенько принимаешь эту даму у себя в спальне? Стесняюсь спросить, а когда она сверху, тебе ничего? Дышать можешь? В ней же веса, как в моржихе.

Риг хотел было разозлиться, но заинтересовался:

— Зачем ей сверху?

А я, поймав его недоумённый взгляд, пояснила:

— Поза такая. Их же при этом деле много. Одна из них – когда девушка сверху. Я про то, чтоб её на руках держать у стеночки, и того молчу, — потом задумчиво добавила, прикидывая: — Так можно делать только если двое других поддерживают такую красоту с боков. Эй, простейшие, — окликнула я начавших почему-то отворачиваться моих охранников, — вы ещё и носильщиками подрабатываете что ли?

На что получила злющий шёпот на ухо:

— Придушу, женщина.

Я ему в ответ:

— Что ты ко мне пристал? Женщина да женщина. Девушка я невинная, как слеза младенца.

— Слишком ты подкованная для невинной девушки.

— Так в соседних камерах кто только не сидел. Просветили. Я же там не день и не месяц куковала.

Оценила вес ведьмы и покачала головой. Потом повернулась к Ригу и на цыпочках к уху потянулась:

— Ну ты силён. Уважаю. Такую мощь даже трое не удержат. Ее ещё попробуй удовлетвори.

Риг покраснел и мне шипит:

— Радхары никого не удовлетворяют! Они сами сбрасывают напряжение.

А ведьма, похоже, вначале опешила от искреннего проявления моих эмоций и восхищения, а потом опомнилась, побледнела. Глаза синим пламенем загорелись, косички, как змеи гремучие, вокруг головы зашевелились. Прямо Медуза Горгона. Зашептала что-то речитативом, пальцами знаки крутит. Фиги, что ли, показывает.

Предводитель это дело увидел, меня за спину задвинул, сам к ней шаг сделал и как за горло схватит:

— Я тебя, гадина, предупреждал, чтоб ты на моих рабынь даже взгляд свой не кидала? А тем более не пыталась что-то им сделать. Я же не посмотрю, что ты с шаманом моим дружбу водишь. Утоплю в Северном море. Поняла?

Та захрипела, пробуя отодрать его пальцы со своей глотки, и закивала.

— То-то же. Иди, куда шла.

И бросил своим радхарам:

— В дом больше эту не пускать. Что надо, через охрану пусть передаёт.

На меня посмотрел:

— А ты не провоцируй, иначе...

— Знаю, знаю, — покладисто кивнула я, — придушишь.

— Хорошо, что понятливая. Только это с тобой и остаётся сделать. Даже подарить теперь некому. Заранее отказываться стали от такого счастья.

Он снова перекинул меня через плечо и направился вверх по ступенькам.

Да что это за произвол творится?! Опять как мешок с картошкой тащат. Видимо, я была разозлившись, что, не думая, решила выплеснуть своё раздражение. Всё из-за гормонов молодого тела. В той жизни посдержанней была. И на ком? Правильно, на ведьме этой с Северного Полюса. В общем, рожу ей скорчила.

Наверное, это я сделала зря, потому что её перекосило от злости напрочь. Ну подумаешь, малость какая, ну подразнилась, а Остапа понесло.

Как давай она уже не пальцами, а руками размахивать. И как стрельнула в меня молнией! Я аж глаз один зажмурила.

Глава 12

«Всё, — думаю, — приплыли».

А молния от меня отразилась, как от зеркала, и в нее обратно прилетела. Вот тут у меня и второй глаз открылся, даже рот. Ведьма как будто дымом окуталась, зашуршало что-то, зашипело, зашкворчало. Дымка развеялась, и я ойкнула.

На площади воцарилась мёртвая тишина, даже связанные бараны на великаншу устали. Предводитель тоже всем телом стал поворачиваться. Я извернулась, смотрю во все глаза. Первый раз же по-настоящему колдовство такое увидела. Уж не знаю, чем хотела меня ведьма отоварить, но, получив отзеркаленное заклятье, она стала лысеть на глазах. Её косички отваливались на корню, падая на землю и жалобно бренькая.

Через секунд тридцать перед нами оказалась абсолютно лысая тётка с гладкой бугристой головой. Солнечные зайчики весело заскакали по её глянцевої башке.

Предводитель обернулся на странные звуки.

Я сглотнула:

— Ригушка, это не я твою любимую фаворитку. Вот честное слово. Кого хочешь спроси. Она сама. С горя, наверное, что в немилость у тебя впала.

Меня же только-только предупредили, чтоб я паинькой была. А такие, как Риг, два раза повторять не будут. Типаж не тот. Но я же не специально. И вообще, может, я не рожу скорчила, а у меня тик нервный на лице образовался от всей этой ситуации.

Предводитель только меня по заду хлопнул: «Молчи, мол». Фух, пронесло.

А ведьма так глаза выпучила на опадавшие с неё дреды, что, кажется, и они сейчас следом выпадут. Руки трясущиеся свои, перстнями увенчанные, к головушке своей лысенькой подняла и стала ошупывать.

— Риг, — шепчу, — что она там ищет-то? Думает хоть одну косичку найти, что ли?

Тот опять меня шлёпнул.

— Риг, слушай, — шиплю ему, — обязательно постоянно до моей попы домогаться? У меня и так там типа ожога образовалось. И ты ещё ей урон наносишь. Сказать ртом нельзя?

Гризли ничего не ответил, не отрывая глаз от великанши.

А та на колени опустилась, все свои косы собрала, к груди прижала и на меня уставилась. Ох, какой у неё был взгляд: нехороший, просчитывающий, жёсткий, как щётка с металлическими иглами. Таким кожу живьём снимают. Стоит, губы кусает, чуть ли не до крови.

Я Рига похлопала по спине:

— Слышь, Предводитель, чего мы тут стоим? Поехали, что ли? Давай ты меня домой занесёшь. Страшненько мне что-то от взгляда твоей любовницы неудовлетворённой. Она человек не кушает случайно? Или, может, только кусить?

— Это я тебя сейчас сам покусая.

Но послушался и, повернувшись, потащил меня в дом. А эта так и стояла на меня уставившись. Но я ей даже махать не стала напоследок. Ну её. Опять чего сотворит. И от меня отзеркалит. Кстати о птичках, а что это за щит на мне такой? Может, на всех герцогинь такой навешен? А столкнули тогда как? В памяти всё-таки придётся копать? Или, может, книга какая на эту тему здесь имеется?

Стоило меня втащить в большой холл, к нам ринулся радхар, вероятно, старший по дому. Меня поставили на пол, повернули и толкнули к управляющему.

— В крыло к наложницам. Да приодень, а то она в своих железках как краб в панцире.

— Э-э, Предводитель, что хотела спросить, — начала было я.

И тут управляющий меня как саданет в спину:

— Господин! А не Предводитель. Поняла, рабы

Ах ты сволочь! После первого мужа и его поползновения на битые у меня мозги вскипали и ненависть лютая просыпалась.

— Меня никто не смеет бить, — и я, сжав кулак со всей силы, саданула ему снизу по подбородку, так что у него зубы клацнули и, судя по округлившимся глазам, он прикусил себе язык. То-то же. Богатырской силой у меня сейчас не пахло, но даже моей девической вполне хватило нанести гавнюку увечье.

— Ещё раз меня хоть пальцем тронешь – ночью горло перегрызу, — меня затрясло. — Оборотница я.

И, не обращая больше внимания на прикушенного, повернулась к Ригу:

— Слушай, Предводитель, это же людской город в прошлом? Может, здесь и книги человеческие остались?

Риг смотрел на меня молча. В его глазах стояло такое изумление, доведённое до шока. Надо мне завязывать с шоковой терапией и с моими замашками иномирными тоже. Но вот с этим я ничего не могла сделать. Никому не позволю себя бить.

Я помахала перед его лицом ладошкой. Он молчал. Вот ведь. Ноготчком вокруг его пупа сердечко нарисовала. Он вздрогнул, и дружок внизу тоже.

— Ты как? Отошёл?

Он кивнул:

— Женщина, так женщины себя не ведут. Ты кто? Мужик переодетый?

— Здравствуйте, а кто мои вторичные половые признаки ощупывал? В городе ещё. Али забыл?

— Не забыл. Но первичные не только не видел, даже не пощупал, кто-то ноги слишком сильно сжимал. И это мне кажется подозрительным.

Я аж остолбенела от изумления:

— Да ладно, ты даже в терминологии разбираешься. А с виду медведь неграмотный. Запомни, Предводитель местного дворянства, мы, герцогини, абы кому добровольно наши первичные признаки не демонстрируем. Мы не такие. Только по большому желанию. С нашей стороны, — пояснила я, увидев заинтересованно поднявшуюся бровь, — а с желанием у меня пока туго.

— Мне твоё желание, поверь, не понадобится. Я беру сам что надо. А будешь дерзить – придушу.

Я закатила глаза:

— Повторяемся. И ещё ты во дворе кричал, что вы не удовлетворяете никого. Проблемы у тебя что ли? Значит, изнасилование откладывается?

— Нам плевать, удовлетворяется кто под нами или нет. Я это имел в виду, — уже ревел радхар.

— Ох. Извините. Не так поняла. А то я уже расстроилась, о могучий.

В это время получивший по челюсти управляющий озадаченно переводил взгляд то на меня, то на господина.

— Глазки не поломаешь? — ласково обратилась я к нему. — Веди меня в мои покои. А с тобой, о Предводитель местных моржих, — я кокетливо повела плечиком в доспехе, — мы позже поговорим. При свете свечей вечером (До этого времени мне бы со статуэткой решить вопрос и сбежать.) О книгах и о погоде... Хотя нет. Ошибочка вышла. Этот вечер у меня занят. Давай завтра.

Риг опять уставился на меня ошалевшими глазами. Снова в истукана превратился. Не в истукана, а в статую медведя, только чёрного.

Ну да, я ж забыла, что мы с тувельками сегодня новоселье моё отмечаем. Чтобы избежать нового взрыва эмоций Предводителя, потолкала управляющего по коридору.

— Служанку ей назначь, — донеслось нам в спину, — герцогиня всё-таки.

Я обернулась и послала воздушный поцелуй:

— Благодарствую, Предводитель местных чаек, — ну да, по-детски вышло. Шалю от нервов.

Сзади раздался рёв:

— Как ты меня назвала? Дерзишь?

— Даже не думала. Здесь у местных столько титулов разных, вот и я импровизирую.

И уже бегом, подталкивая управляющего в спину, решила спастись бегством:

— Слышь, дворецкий, шевели колготками, а то сейчас поймают нас местный Предводитель и изнасилует в гневе. Обоих. Меня в наказание, а тебя за компанию. Хочешь этого?

Тот в ужасе оглянулся и, качая головой, прибавил шаг. Я за ним, потирая опять начавшую припекать ягодицу.

Глава 13

Большим дом оказался. До крыла, в которое меня привели, минут десять шагали. Управляющий распахнул передо мной дверь.

— Проходи... — потом подумал и добавил: — ...те.

— Умничка, — одобрила я дополнение, — быстро учишься. Далеко пойдёшь.

Радхар даже зарделся. Какие они падкие, однако, на похвалу. Их что, в детстве мало хвалили?

Это был отсек для наложниц. Большой зал с огромным красивым, но бестолковым камином. Тепла от него точно не дождешься. И с двух сторон по пять комнат. В конце зала был установлен длинный стол с лавками.

— Там едят. Служанки приносят еду с кухни. Там, — он махнул в противоположную сторону, — мыльная. Общая. А теперь пойдёте в вашу комнату. У нас две пустуют сейчас, из одной как раз наложницу отсюда домой отправили.

— Э, а почему домой? Я слышала, она по эстафете должна была пройти через всю вашу местную аристократию.

Радхар покосился на меня:

— Ведьма постаралась, облезла она, как кошка драная стала. Все отказались брать.

— А вторая почему пустует? Тоже ведьма?

— Нет, — и замолчал, превратившись в глухонемого.

Услышав наши голоса, из комнат выглянули наложницы со служанками. Одна ахнула и бросилась ко мне.

— Госпожа, госпожа, — залилась она слезами, — как же так? Вы же в Медвежутске остались. Как же вас смогли захватить?

— Эээ, как тебя, девушка?

— Анника, госпожа. Я дочь барона малоземельного на самой границе. Отца с матерью навещать приехала, и вот.

Я вздохнула, смотря на неё. Больно счастливой девушка не выглядела, да и не она одна. Все были потухшие, бледные, грустные. И с ошейниками на шее, на которых сверкали какие-то камешки.

— Давай потом. Обустроюсь на новом месте. И позову тебя к себе. Хорошо, Анника?

— Да, конечно, госпожа.

Потом она вдруг улыбнулась сквозь слёзы.

— Знаете, у меня чувство, теперь что-то должно измениться. Что всё хорошо будет у нас. «Это у вас, — подумала я, — а вот у нас ещё под вопросом. И большим».

Ну что. Комната мне понравилась. Большая, с таким же дурацким камином. Комнатка рядом для уединения присутствует, а-ля унитаз и типа душа. Шкаф. Кресло. Два стула. Маленький столик и... О, моя прелесть – зеркало от пола до потолка. И кровать огромная, я бы сказала, трёхспальная. Уставилась я на эту кровать и думаю, на кой мне это лежбище? Я же на нём заблужусь.

— Слышь, ушибленный, а зачем здесь этот сексодром?

Он, проглотив ушибленного, пожал плечами:

— Так господин будет вас посещать по ночам.

— Не поняла? Он ко мне, а не я к нему?

— Ну да. Девушки отсюда не должны никуда выходить.

— Что? А гулять? А воздухом дышать? — у меня аж от таких ущемлений женских прав в зобу дыхание спёрло.

— Нельзя. Мы, радхары, горячие и вне крыла можем напасть на человечку с целью надругаться.

Так вот почему наложницы такие бледные. Дети подземелья, вот ей-Богу.

— Нет, милый, эти правила ко мне не относятся. Я сама могу хошь над кем надругаться. И только попробуй дверку на ключик запереть в наш отсек. Не забывай: оборотница я. Ночами в зверином облике по горам бегаю, на козлов горных охочусь. В принципе, не только на горных. На разных могу.

На его лице опять возникла некая настороженность вкупе с недоверием.

— Ты иди у тех поспрашивай, кто меня сюда привёз. И скажи мне, что насчёт одежды, а то в этом бронелифчике уже замучилась бегать.

Вместо ответа передо мной распахнули дверцы шкафа.

— Всё новое. Для следующей наложницы приготовлено.

— Ладно. Свободен. Служанку не забудь прислать.

Когда радхар скрылся за дверью, я перво-наперво отправилась в душ. Отстегнула доспехи, точнее то что от них осталось, скинула их прямо на пол вместе с кожаной порванной одежкой и встала под еле тёплый душ. Есть в жизни счастье.

Закутанная в кусок полотна, наконец-то я добралась до зеркала и, повернувшись к нему спиной, глянула на свою многострадальную попу, и остолбенела.

Вместо раны или ожога обнаружилась большая татуировка. Огромный полярный медведь вальяжно расположился на моём полупопии. Я потёрла его пальцем. Нет, точно татуировка, и ещё, она кажется, даже светится. Белым светом.

Ну, здравствуй, Дух. Хорошо тебе на моей попе? А?

Что там Ханна говорила? Что он будет расти во мне, так, кажется, прозвучали её слова. Интересно, а тату тоже будет расплзаться? Вот не знаю, не знаю, понравится это мне или как. Хотя белый рисунок смотрится прикольно. Да, разрастётся она, и буду я как алтайская принцесса, мумию которой нашли в мерзлоте. Там татуировки наносились как обереги. А может, ты меня тоже охраняешь?

Иван Иваныч! Ну конечно! Щит на герцогнях – три раза ха-ха. Вот что меня защитило от колдовства ведьмы. Теперь в экстренных случаях к врагу буду задницей поворачиваться. И наклоняться, чтобы наверняка. Я расхохоталась, представив себе эту картину.

Не, некоторые за предложение могут принять.

Ну, здравствуй, Друг. Пока мы вместе, а потом, когда тебе в голову ударит твоя медвежья моча

Да, как мне эту статуэтку выцеплять – ума не приложу. И плен, и рабство – всё ерунда по сравнению с этим. Там у меня хотя бы есть шанс живой остаться. И главное, душа не рассказала, сколько у меня времени в запасе. Вот это печально, когда сроки не указаны. Но что-то делать надо.

Поначалу надо собрать информацию об этом месте. Этим я с инфузориями моими, тувельками, займусь вечерком – это раз. Рабынь местных порасспрашивать – это два. Книги нужны, хоть на бересте. Три. И самое неприятное – в памяти Ханны покопаться – это четыре.

От этой мысли меня аж перетряхнуло. Не знаю, как передать ощущения от этого. Наверное, подойдёт пример с перегрузками на сверхзвуковых самолётах. Много роликов на эту тему видела. Первые секунды ничего, потом тебе становится хреноватенько, на грудь, на голову давить начинает, в глазах темнеет, вдохнуть не можешь, и потом, наверное, и сознание можно потерять.

Ну, до этого я себя ещё не доводила. Дёргала за ниточки, те, что на поверхности, последние моменты жизни. И про женишка, и про радхаров. Оставляю я это на крайний случай.

Так, план у меня есть. Смотрим, что по гардеробчику.

Ох ты, какая прелесть здесь имеется! Не ожидала, не ожидала. Честное слово. Думала, здесь всё сурово, просто и холщово.

Глава 14

Я выхватила первую попавшуюся с полки вещичку из прозрачной белой невесомой ткани. Она должна была, вероятно, служить маечкой для местных высоких дамочек. А на мне, я приложила её к себе, явно в сорочки короткие пойдёт, только ушить надо чуток. А это? Панталончики, аж ниже колен и такой ширины, что туда можно ещё кого-нибудь запихать. Хихикнула. Эти не то что ушивать, эти перешивать надо будет. А в этом я не сильна, с иглой еле дружила. Только если простейшие операции – дырку заштопать, например.

Дальше что? Платье. Белое. Простое, а-ля рубаха. Свободное, длинное, с широкими рукавами. Да, точно, наложницы в таких же фасонах в зале дефилировали. Сбросила моё полотенце и примерила платьице. Блин. Я была как маленькая девочка, дорвавшаяся до маминого гардероба.

Руки терялись в рукавах, длину надо было на сантиметров двадцать, а то и тридцать убирать. Скромный вырез на груди для меня превратился в глубокое декольте, норовящее соскользнуть то с одного плеча, то с другого. Да я могла снять это платье через ноги. Даже не снять, оно бы само с меня сползло. Что, впрочем, оно и сделало.

Повертелась перед зеркалом. Ну я очень даже и ничего. Сама тоненькая, сиси большие, попа с татушкой небольшая, но имеется.

Как-то мой образ из прошлой жизни начал тихо угасать в памяти, и сейчас я уже прочно начинала себя ощущать хозяйкой этого тела.

Вернулась к своим брошенным на пол вещам. Во-первых, ножик. Натянула португеею с ножнами на ногу. Вай, как сексуально-то получилось. Ещё татуировка эта. Повернулась, изогнулась. Отключила попу. В зеркале отразилась голая красотка. Таковую сразу на плакат можно и в автосервис в комнату для отдыха. Почему-то, где я ни была, все они были увешаны именно такими постерами.

Есть. Теперь платье будем кромсать. Примерила, нарисовала угольком из камина, доколе резать. Разложила на полу и своим кинжалом и кое-как отпилила лишнее. Да, мой ножик был предназначен колоть, но не ткань отрезать. Потом отдам служанке — подошьёт, а пока так похожу.

Теперь пояс кожаный из порванных штанов надо вытащить. Он мне будет делать талию и поддерживать платье, чтоб я из него не вылетела ненароком. Натянула на себя пояс широкий кожаный, застегнула. Ну и нормально получилось. Так, теперь волосы. Расчёски у меня нет, косу не заплести, кичку наверх не заколоть. Ок. Отрезала от своей многострадальной кожаной рубахи полоску и просто завязала ей волосы в хвост. Ну всё. На выход готова. Глянуть, что в этой местности творится.

Ведьму не боялась – чувствовала, что эта дамочка, подобрав свои бубенчики, скорее всего, свалила. Интересно, отрастит она себе шевелюру или это навечно теперь?

Нажила я себе врага. Опасного, похлеще медведя. От того хоть ясно всё, а от этой непонятно, когда прилетит и что прилетит. Ходи и оглядывайся, чтобы в лепёшку не вляпаться. Кстати, о лепёшках. На ноги мне придётся опять свои сапоги кожаные натягивать, потому как этого добра здесь наверняка много.

Ну что? На выход? Торжественный. Подмигнула себе в зеркало и хотела уже пойти широкими шагами в светлое будущее, как в дверь постучали.

— Проходите.

В дверь вошла девушка в светлом платье. Не особо отличающемся от моего фасоном. Простенько всё у них, смотрю тут. Девушка смущённо взирала на меня со своего могучего роста. У меня в голове стали появляться сомнения в моей человеческой родословной. Гномами

запахло или хоббитами. Прямо даже со шлейфом оставшимся. Ну не могла я так разительно отличаться от всех здесь живущих.

Служанка была не особенная красавица, с простым, как будто вырубленным лицом. В ошейнике. Все здесь были в ошейниках. Только про меня, как будто забыли, а может, не забыли, а ждут, что сбегу наконец-то. Ну это только когда я статуэтку добуду. Подождите, ребята, я быстро, только осмотрюсь.

— Здравствуйте, госпожа. Я ваша служанка Вива.

— Ты как раз вовремя, Вива. А я

— Я знаю, госпожа. Вы наша герцогиня Ханна.

И все-то меня здесь знают. Погулял, чувствуется, Риг в моих землях. Вон сколько моих подданных здесь.

Я кивнула:

— Вива, смотри, на полу отрезанные куски платья валяются. Ты шить же умеешь?

— Да, госпожа.

— По этим лекалам укороти мне платья. По сорочке – вот на столько ушей, — и я на глаз показала, сколько убавить, — по панталонам потом скажу. Ножницы мне только в комнате оставь. А я пойду гулять. У вас во сколько здесь кормят? А то с утра не кормленная.

Да, с этими треволнениями и погоней за моими охранниками совсем выпустила это из виду.

— Так обед уже прошёл, а ужин на закате. В гонг бьют. А вы в общую залу гулять?

— Шутишь, Вива? На улицу.

— Что вы, госпожа, — залепетала она, — вам нельзя туда. Они же как звери дикие во время гона. Всё время норовят изнасиловать. Это в человеческих городах они под надзором своих командиров не трогают девушек. За это им и голову могут снести. А когда на города нападают и здесь в поселении им всё можно.

— Тебе тоже перепало? — с сочувствием спросила я.

Она вздохнула и кивнула:

— И когда нашу деревню захватили, да и здесь тоже. Вы, госпожа, поймите, я не жалуясь. Привыкаешь ко всему, даже к этому, но когда к тебе только как сбросу напряжения относятся – тоскливо от этого. Не бьют, нет. Просто юбку задирают и Кто-то, конечно, жёстко, кто помягче. Встаёшь потом, после использования, и дальше своими делами нужно заниматься.

— Вива, а что за камешки у тебя на ошейнике?

Служанка подняла руку и ощупала своё шейное, в кавычках, украшение.

— Так это плата за труды. Раз в месяц платят. Когда желтыми, когда голубой достанется. Наложниц синими одаривают. Некоторым служанкам, когда ими Предводитель заинтересуется, тоже синий перепадает. Тем девушкам, что у низших в домах служат, красными платят. На фермах и в полях оранжевыми. Мужчинам в деревнях также. Но если умеет что-то – больше вознаградят.

— Понятно, — я задумалась. Цвета радуги, что ли, используются? — Вива, а с фиолетовыми камнями что?

— О, они только на ошейниках наложниц имеются. Один раз даются и всё. Ой, — она заметила, что я без украшения, — а ваш ошейник где? Вы же тоже в наложницах?

— Готовят, наверное, — буркнула я, — на заказ, по индивидуальному эскизу. Ладно, пойду я. И не бойся за меня. Да, наверняка обо мне услышишь много интересного и страшенького. Не бойся – своих не кусаю.

И, оставив служанку в полном недоумении, вышла из комнаты. Пора по дому пройтись с целью изучения. А если поймают, скажу, заблудилась. А там и инфузорий своих вылавливать. Есть хочу! Слона бы сожрала. Может, кухню поискать, хоть что-то в рот кинуть.

В общей зале никого не было, зато на выходе из отсека дежурил охранник. Увидев меня, он сжался, но пробасил:

— Не велено из отсека выходить.

Я подошла к нему и осмотрела внимательно. Потом потрогала его бицепсы:

— Жилистый ты, смотрю. Накаченный. Послушай меня, спортивный ты мой. Меня с утра не кормили ещё. Я есть хочу и готова курицу сырую проглотить. Давай ты меня до кухни доведешь, дом покажешь, в выход опять же пальцем ткнешь. Ты же здесь, наверное, и ночами дежуришь? А, мускулистый мой и явно не особо вкусный.

Глава 15

Охранник сглотнул и затравленно кивнул. Ужас плескался в его суровых маленьких глазах. И я понимаю почему. Из-за диссонанса. Если бы перед ним было чудовище огромное – всё ясно. Вот оно: большое, страшное, сильное. А когда перед тобой тоненькая маленькая девчушка, в которой некая жуть сидит, вот тогда понимает. Сама себя боюсь.

— Пойдём, а? — сказала я ему ласково. — Если что, рассказывай, что силком уволокла, а ты сопротивлялся. Можешь даже наврать, что надругаться хотела. Я это опровергать не буду.

— Тебе нельзя надо мной надругиваться, — выдавил радхар.

— Почему это?

— Камень шаманский сразу покажет, что ты не с Предводителем была, тогда наказание будет. Низшим отдадут на пользование в их дома.

Я задумалась. Про пользование я не боялась, а вот смена дислокации, то бишь другой дом меня не устраивал. Сокровищница-то здесь. Как мне потом здесь на законных основаниях гулять? Нет, надругания отпадают.

— Ладно, тогда не говори.

Мой живот выдал трель. Охранник побледнел и дёрнулся в сторону.

— Ну, пойдём или как? — и я подняла вопросительно одну бровь.

Как узник на казнь, здоровый дядька обречённо кивнул и двинулся впереди меня.

— Ты только мне рассказывай, где здесь что и кто живёт. Сам-то где ночуешь?

Он оторопело обернулся и, заикаясь, спросил:

— ААА тебе зачем?

Я закатила к небу, то есть к потолку, глаза. Такое впечатление, что меня здесь только Риг не боится. Все остальные шарахаются как от прокажённой.

— Да просто так спросила. Не хочешь – не говори. От тебя мне нужно только знать, где находятся кухня, покои Предводителя вашего, библиотека, если таковая имеется, и сокровищница.

— Вот здесь сокровищница, — ткнул он пальцем в окованную железом массивную дверь.

Ох ты ж. Таковую только тараном выбивать. Может все-таки статуэтка у Грозного нашего на тумбочке около кровати стоит? Или в кабинете на столе. Надо как-нибудь в гости к нему напроситься.

А радхар повёл меня в другую сторону.

— Вон кухня у нас, только не принято, чтобы наложницы сами за едой бегали. Служанки этим должны заниматься.

Мы остановились перед дверью. Кушать хотелось, но попрошайничать было негоже. Что делать? Служанкой прикинуться? Пока я прикидывала, как добыть себе хлеб насущный, дверь распахнулась, и выглянула здоровая женщина с измазанными в муке щеками.

— Пришла уже? Так быстро? Иди забирай вон поднос с пирожками и быстрее неси их господину, пока не остыли. Он сегодня с утра не евши. А я любимые ему сделала, сладенькие, с вареньем и мёдом.

Мишки очень любят мёд?

Так я стала счастливой обладательницей подноса с огромным блюдом, на котором пирамидкой были любовно выложены маленькие пирожки. Здесь же присутствовали две большие креманки с мёдом и вареньем. Когда дверь за мной захлопнулась, я потянула носом. Вишнёвое! Любимое! Ещё и пирожки одуряюще пахли, и мой желудок сразу потребовал возместить ему моральный ущерб за вынужденную диету.

А вот и повод к Ригу заглянуть, только через минутки две, три десять. Одну штучку съем или две

Почти вприпрыжку я добралась с подносом до широкого низкого подоконника, уселась и начала пробовать местную стряпню.

— Хочешь? — спросила я охранника с плотно набитым ртом и показала я рукой на пирожки. — Любимые Предводительские. Не бойсь, он даже не заметит, что мы пару-тройку съели.

Стряпня была обалденной. А когда ещё пирожок в вишнёвое варенье обмакнёшь – объедение полное. Охранник тоже втянулся в уничтожение этих печёных искусителей.

Опомнилась я, когда на огромном блюде остался только один, сиротливо лежащий посередине. В креманке на дне ещё оставалось варенье.

— Стой, — остановила я радхара, — этот не ешь, а то тебя побьют.

— А почему только меня? — взвыл охранник. — Мы же вместе ели.

— Ты больше съел, я считала, а Ригу надо хоть этот отнести, иначе оголодает, а будет голодный – точно разозлится. Пойдём, покажешь, где его покои. И выход, чтоб я ориентировалась, куда потом бежать. Сам можешь опять на охрану встать.

— Тук-тук.

— Входи.

— О, Предводитель местных бакланов, — пропела я, вваливаясь в его покои, сама внимательно осматриваясь в поисках той самой заветной статуэтки. Но, к сожалению, на виду её не было. — Я тебе перекусик принесла. Мне сказали, что ты ничего не кушал сегодня, и как будущая любимая наложница, которую надо одаривать диковинными штучками, статуэткой, например, решила о тебе позаботиться.

Всё это время я быстро крутила головой. Нету – печалька. Предводитель ошарашенно молчал.

— Вот, — сунула я поднос прямо ему в руки. Он с какой-то детской обидой посмотрел на одинокий пирожок, потом перевел взгляд на креманку, затем на меня. Точнее, на мои губы. Потом на грудь. Проследила за его взглядом.

Вот ведь гадство! Вареньем уделалась. Красные следы от упавших капель зловеще светились на моей немаленькой груди.

— Ты съела мои пирожки, — и он, мрачней на глазах, отбросив поднос в сторону, стал подниматься.

— Не было такого. Сколько дали, столько и принесла. Ну, может, по пути уронила пяток.

Главное что? Главное – всё отрицать. Не пойман – не вор. А охранник не выдаст, ибо сам в этом деле по уши.

— И как я могла, — стала заламывать я руки, — объесть мужчину моей мечты, добытчика, который собирает всё самое ценное и тащит себе в дом, в сокровищницу. И статуэтки тоже.

— Врёшь! У тебя губы в варенье.

— Обижаешь, Предводитель северных ветров, кровь это. Забыл, что я оборотница. Превратилась в чудище и покусала здесь первого встречного-поперечного.

— В кого ты можешь превратиться? В мышь белую. Только низшие могут в это поверить.

И он шагнул ко мне, схватил в охапку и, приблизившись, начал нюхать мои губы.

Мрачное выражение сменилось на удостоверившееся в своей правде. Сейчас опять орать начнёт, что покусилась на его собственность.

— Поймал, о прозорливый. Узнала, что вишнёвое варенье любишь, вот и намазала губы, чтоб тебя в свои сети завлечь, чтобы ты меня за старания тебе понравиться одарил. Безделушками всякими. Из сокровищницы. Статуэтками, например, — изнамекалась я и чмокнула его.

Он оторопел. А я, слизнув перекочевавшую с моих губ на его капельку варенья, выскользнула из его хватки.

Пора бежать. Пусть остынет. И я выскочила в дверь.

— Стой! — донёсся до меня оглушительный рёв.

Глава 16

Ага, три раза. Жадный какой. Удавить готов за эти несчастные несколько десятков малюсеньких пирожков. С этой мыслью, выскочив в коридор, я чуть не врезалась в двух радхаров, судя по дорогим ремням, из верхушки командного состава. Сзади бушевал голодный Риг. И я его понимаю. А тут я с измазанными в чём-то красном губами, с каплями, чтоб его, вишнёвого варенья на белом платье.

Бронзовокожие в ужасе смотрели то на меня, то переводили взгляд на дверь покоев Рига.
— Не-не, мальчики, это не то, что вы подумали, — и я ринулась мимо них.

В гаремный отсек надо сходить, умыться хоть, да платье сменить. Радхары влипли в стенку. В их глазах плескался такой ужас, что мне сразу напомнило один фильм. Классикой уже стал. «Чужой». Это когда маленький комочек чего-то непонятного лазил по космическому кораблю и все от него шарахались. Вот и я стала на это чудо похожая. Главное, чтоб огнемётами не жгли. Не переборщить бы, а то прибьют тишком лопатой по голове.

Как же мне в сокровищницу попасть? Чует сердце, что Предводитель, как истинный коллекционер, совсем не захочет расставаться со своей собственностью. Это маниакальная потребность сохнуть над сундуком с диковинками у них в крови.

Подмигнула знакомцу на охране и пошла к себе.

Вива уже собирала лоскутки по полу. Два платья и сорочка, аккуратно подшитые, лежали на кровати.

— О, как ты быстро. Потом ещё то, что на мне, тоже надо подшить и постирать. Давай сорочку померю. Отвернись только.

Не хотелось мне медведем светить перед ней. Ну ничего так получилось. Сексуально. Сорочка чуть затуманивала тело, но именно что чуть. В таких, наверное, все здесь Предводителя ожидали на ночь. И в панталонах сексуальных до колен.

Кстати, с девушкой этой из баронов надо поговорить, Анникой. Про порядки мне местные расскажет. Пока я здесь, нужно быть в теме. Может, она и про герцогский род что знает интересное. Как бы мне только поспрашивать, чтоб подозрения не внушить. О! Есть идея! И прекрасная...

Только я хотела переодеться, как в окно постучали. Пулей нырнула в платье и выглянула. Кого принесло?

Воровато оглядываясь, там стоял один из десятка моих инфузорий. Надо же, вычислил как-то или кто сказал. Вместе со служанкой мы с трудом отодвинули створку.

— Это. Наш десяток сегодня встречать Южного главу рода отсылают к морю. Не получится с мясом.

— Подожди, он же вчера должен был прибыть?

— Нет, вестника прислал, что шторм задержал. Сегодня поедем.

— Грустно, конечно, но потом посидим. Ты сюда из-за этого только пришёл?

Он замялся и, кинув быстрый взгляд на служанку, забормотал:

— Понимаешь, ведьма, она того.

— Чего того? Померла, что ли, от облысения?

— Нет, — он закачал головой, — она вестник послала шаману. Про тебя сообщила.

— А что именно? Неизвестно?

— Что-то про коридор. И что по нему кто-то пришёл.

— Так с чего ты взял, что про меня?

— В конце сообщения имя ваше упомянула с руганью. А потом сказала, что она гадала и вышло: «Пришляя получит Духа». Вот, сказал всё. Ну вы, когда нас отпустят, угостите же?

Там ещё четверо попросились. Хорошие ребята. Мы, если что, и камешки можем дать, но это красненькие.

Я расхохоталась. Ну да, скинулись мальчишки по червончику.

— Так накормлю. Вы уже информацией про ведьму расплатились.

Радхар облегчённо вздохнул и крадучись стал пятиться задом в высокие кусты, росшие перед окном.

Я задумалась. Что за коридор? Что имелось в виду? Почему это должно быть интересно шаману?

— Госпожа, — донёлся восхищённый вздох сбоку.

Вива смотрела на меня сверху с таким обожанием и восхищением, что я даже оглянулась, может это не на меня.

— Госпожа Ханна, я впервые вижу, чтобы низшие так уважительно с кем-то говорили, кроме своего начальства, а особенно с девушками.

— Вива, а со своими они как общаются? С радхарками?

— Этого никто не знает. Наши все думают, что они в их Колыбели живут, в пещерах, и на свет не выходят. Там и радхарят рожают. Их тоже здесь никто не видел. А так как они без женщины вообще прожить не могут, а далеко род переселился, то нас, человеческих девушек, для этого дела используют.

Вот оно как, — подумала я, — мы типа походно-полевые жёны у них. Хорошо придумали.

— Вива, сходи к Аннике, пригласи её сюда и да Ты же здесь всех знаешь? — и, получив утвердительный кивок, продолжила: — Пригласи ко мне на познакомиться ещё двух девушек не с моих земель. Есть здесь такие?

Вива задумалась и снова кивнула.

— Может, чай нам сообразишь? Только сладкого не носи, я уже их у Предводителя объелась.

— О да, — подтвердила служанка, — он это дело очень любит. Кухарка рассказывала.

Во как, обидела я его, значит, по самое не могу, самого ценного лишила. Поэтому он так орал. Мишка очень любит мёд, вот!

— Ладно, иди народ собирай ко мне в гости. Минут через десять-пятнадцать жду.

Вива ушла. А я села на подоконник, закинула туда же ноги и устала в окно. Так думалось лучше.

Что у нас в итоге имеется в активе из плохого?

1) Радхар озабоченный один. Но глава рода. Со своим конкретным отношением к женщинам. И который точно притащится сегодня вечером, пирожки заставит обрабатывать с пристрастием. Да и не только пирожки. Сегодня, скорее всего, и горошину колдовскую шаманскую получится попробовать. Не хочу, конечно, вот так. Ощущение, что в борделе нахожусь. Вип, конечно, но суть та же. Фу. Я, конечно, девочка взрослая, но Ладно! Я сильная! Я справлюсь с этим! Потому как никуда от этого не денешься, если статуэтку прямо сейчас не добыть.

2) Татуировка на ягодице красивая, но опасная. С духом, у которого мозги скоро снесёт. Сколько этого «скоро» у меня есть? И затем мне еще со статуэткой в Медвежутск тащиться? Это тоже времени сколько-то займёт. И опять её ещё попробуй здесь добудь. Если только ОПГ не организовать и не вскрыть эту сокровищницу тёмной ночью.

3) Ведьма лысая, обиженная на меня смертельно. И в последнем я не утрирую, а подчёркиваю реалии жизни. И эта зараза, похоже, догадывается, кто я. И про зверюшку на моей попе тоже знает. Но против неё мне пока номер два в помощь.

4) Шаман. Вообще неизвестная фигура на этой шахматной доске. Чего ждать от него — одному небу известно. И коридор этот. Что имелось в виду? Та воронка, куда засосало мою душу? Вот про него мне мало кто рассказать может. Хотя номер один может просветить в этом вопросе. Только как его раскрутить на этот разговор? Чтобы секса не было задействовано.

5) Ну и, конечно, мой опекун с женихом бывшим. Их со счетов ещё сбрасывать рано. Да, кроме них новый пункт появляется. Тесно связанный с пятым.

6) Король. Сволочь эта продажная. Что для него сделал опекун, чтобы он закрыл глаза на произвол? Если получится разобраться с дядей, то не устроят ли мне а-та-та? В этом случае мне тогда бежать надо или венценосного короны лишать. А как говорится в поговорке? «Короли лишаются короны только вместе с головой».

Но это уже у меня вообще наполеоновские планы в татуированной попе заиграли. Мне бы сейчас со статуэткой разобраться.

В дверь постучали. Надеюсь, та, что пришла, просветит меня и про родовой камень, и про аватарку духа на моём полупопии, и сколько жить мне осталось.

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить?

— Ик.

Глава 17

В дверь вошла Анника с двумя наложницами. Вива побежала за чаем. А я рассадилась девушек и стала расспрашивать, каким шквалистым ветром их в наш бордель для одного единственного занесло. Всё оказалось банально.

Граничащие с радхарским королевством человеческие земли либо регулярно подвергались набегам, либо посылали рабынь в дань, чтоб их не трогали. Наш король оставил это на усмотрение своих аристократов. Хошь – откупайся, хошь – страдай от нападений. Эти девушки попали в рабыни по жребии. Граф решил малой кровью отделаться.

Странно, а Ханна вообще слышала про эти варианты или опекун её не подпускал к таким делам? Сидела в беседочке – крестиком розочки вышивала. Скорее всего.

Анника тоже рассказала про себя и про нападение на баронские земли, которые, кстати, входили в состав моего герцогства.

И когда она закончила, я сделала финт ушами:

— Анника, а теперь расскажи девушкам про меня, про мой род, про традиции. Всё, что знаешь. А я послушаю со стороны. Мне интересно послушать рассказ из твоих уст. Что об этом, обо всём поданные мои думают.

Девушка поначалу стеснялась, но потом, увидев, что я не иронизирую, а подбадривающе улыбаюсь, стала рассказывать.

Ну что? Всё началось в тьма каком-то году, когда младший отпрыск короля обрёл титул герцога Снэ-бьёрна и получил звание защитника королевства. А трепали его со всех сторон и радхары, ещё сидящие в своей Колыбели, и пираты с Северными колдунами. С последними он разобрался быстро. Остались их только жалкие остатки. Благодаря Духу-защитнику.

Поэтому Дух внутри меня так возбудился, услышав про ведьму.

Полярный медведь, служивший первому Снэ-бьёрну, вместе с герцогской гвардией высадились на островах и разнесли в пух и прах пиратскую вольницу. А колдуны, плотно дружившие с чёрным братством, ничего не смогли им сделать. Так как заклятья от Духа отражались.

Кто в живых остался, а это были ведьмы, переметнулись к радхарам. И яркая представительница этого племени сейчас сверкает лысым затылком.

— Анника, расскажи девушкам, как наш род получил такого защитника.

Как – она точно не знала. Разные версии были, но в следующих поколениях у некоторых мужчин перед ритуалом признания или после него, но через короткое время, на груди у сердца появлялась татуировка белого медведя.

Хорошо хоть у меня на попе такая организовалась, а не на груди, вот бы Риг тогда удивился.

Достигший совершеннолетия ставил статуэтку на родовой камень и возлагал руку. Камень светился в знак признания герцогской короны, а статуэтка получала заряд силы для сдерживания, на всякий случай. Придёт Дух в нового герцога, не придёт. Пусть будет. А там как масть ляжет.

Может, Дух никого не выбрал, и статуэтка через тройку месяцев отправлялась опять на хранение в Выдорг до следующего претендента на герцогскую корону.

А если Дух все-таки в ком-нибудь воплотился, то счастливчик с помощью статуэтки, когда мишенька прорвется из мира духов, должен завалить его, ножкой к земле припечатать, и ву-а-ля, призрачный медведь теперь всегда с тобой до самой смерти. Скажешь ему «фас» – порвёт на куски, но по времени пребывания ограничен в этом мире. И становится эта парочка защитниками королевства.

— Анника, расскажи девушкам про герцогинь, получивших такого Духа.

Она растерялась:

— Так не было таких. Только мужчины. Статуэтку герцогини только как дань традиции в день признания привозили. Так вот почему вы в Выдорг прибыли! У вас же девятнадцатилетние на носу было. За статуэткой?

Я кивнула, погружившись в мысли. Значит, первая я из герцогинь, говоришь. И светит мне, если, конечно, всё с Духом получится, стать щитом и мечом государственным. Ох, да что ж мне так везёт? Всю жизнь с шашкой на коне впереди. И здесь в такой же замес угодила. Ладно, Аня, ты сильная, и это вытянешь.

— Анника, там мой опекун, видимо, решил, что я погибла, и пойдёт к родовому камню титул на себя перетягивать. Может и он Духа заполнить? Девушкам расскажи.

Она удивилась и даже растерялась:

— Нет, конечно, госпожа. Ну, во-первых, он старый для Духа. А во-вторых, его родовой камень не признает, пока вы живы.

Накося, дядюшка, выкуси, называется. Даже предположить вы не могли, что в тело Ханны моя душа вселится. Но тогда получается, он точно будет знать, что я жива осталась. Интересно, как скоро он потащится герцогом становиться? Наверное, сразу. Он об этом титуле, похоже, долго мечтал. И если я не сбегу со статуэткой, значит, стоит ждать гостей тут, и меня будут убивать снова. И скоро. Голова у него чесаться будет без короны-то.

— Ну вот и узнали обо мне. Теперь рассказывайте про местные обычаи. Как часто Предводитель сюда захаживает?

Ходок наш каждый день, оказывается, отмечался. После ужина все расходились по комнатам, надевали красоту. Волосы распускали. И ждали. До двенадцати ноль-ноль. После можно было расслабляться. Значит, либо в набеге, либо выбрал другую.

Что ещё сказали? Силен, сказали. Сверху ложится и давай работать.

— А вы? — спрашиваю.

— А мы думаем о чём-нибудь, — говорят, — дом родной вспоминаем.

— А он?

— А он туда-сюда, туда-сюда. Потом горошину и камешек оставляет на блюдечке.

С голубой каёмочкой, наверное. Но это я уже не спросила. Подумала. А я за него переживала, как он с ведьму на весу удерживает. Стоп.

— А ведьма к нему в покои хаживала?

— Нет. У него это не принято. Здесь есть ещё гостевые. Туда глава может служанку затащить, если приспичит. Туда она приходила и около двери стояла чуть ли не голая, зазывала главу.

— А ты откуда знаешь?

— Так они напротив моей, а я в замочную скважину поглядывала. Один раз ведьма прибежала для этого дела, а господин уже с другой. Ох и разозлилась она. Дверь приоткрыла и заклятьем пульнула. У той волосы и стали отваливаться. Ужас, что было. Господин на наложнице, а она на глазах лысеет.

Я от этого рассказа аж оторопела. Надо же. Так и травму моральную получить можно, до импотенции. Понятно, почему так орал Предводитель северных псов и пускать больше не велел. Мораль: приходите надо вовремя. Нефиг опаздывать.

Девушки выпили чая, рассказали ещё, что наутро одной наложницы недосчитались, но на их вопросы распорядитель велел рты закрыть – больше не спрашивали.

— А куда делась? — спрашиваю.

Они плечами пожимают. Интересно, думаю, надо мне у моего десятка инфузорий поспрашивать об этом.

Потом нас на ужин позвали. А после я опять решила прогуляться по дому. Не по улице, а именно здесь.

Вспомнила я, как мой туфелька сказал, что они едут главу Южного рода встречать. И подсказывало мне, что Риг тоже с ними поскачет. А что это значит? Правильно. В его покоях можно как следует осмотреться на предмет статуэтки. Я была только в гостевой так называемой. Стол там был, трон, диван, кресла и шкафчик. Может, там моё спасение схоронено или в других комнатах. Там ещё три двери заметила.

В общем, Анна-Ханна, руки в ноги и на дело. Хорошо, что там охрана не предусмотрена. Только перед входом в дом выставлена, да при гареме.

И я, не откладывая дела в долгий ящик, выпорхнула из нашего отсека.

Глава 18

Ну вот это обидно было, однако. Я нашего охранника предводительскими пирожками кормила, а он делает вид, что меня вообще не существует. Не мигая стоит, вдаль коридора смотрит. Я руками перед глазами его помахала, а он как караульный около мавзолея. Хоть бы как-то показал, что я ему не чужая.

— Предводитель уехал или у себя? — решила я всё-таки попытать радхара, ткнув его пальцем в поддых. Он вздрогнул и кивнул.

— Так уехал или у себя?

Он опять кивнул. Ладно. Пойдём другим путём.

— У себя?

Стоит статуей – даже не дышит.

— Уехал?

Кивнул.

— С меня пирожок, — подмигнула я ему и двинулась к светлому будущему. Потом резко остановилась и развернулась к охраннику всем телом:

— Дружок мой, пирожок. Он же встречать главу Южного удела поехал?

Радхар кивнул, смотря вдаль, будто не со мной разговаривает вовсе, а так, мыслям своим кивает.

— А по какому случаю он прибыл? Ну там переговоры по лодкам, я знаю. А случайно обмен гаремами не предвидится? Типа обмен любезностями и расшаркиваниями.

— Нет, — радхар откашлялся, — у Южного в руках верфи оказались, теперь они кораблями торгуют. Наш решил два купить у них. Только по цене не договорились до конца, как я слышал. Предводитель эту тему с тысячником перетирал, — и еще тише добавил: — Наш Южному и девок сулил, и камни. Но тот вроде только золота человеческого хотел. Говорит: «Я за него всё, что мне надо, куплю сам». А у нашего с золотишком нехватка организовалась. Приходится теперь в набеги бегать. Теперь южный товар лицом пригнал. Предводитель и поехал и встретить, и глянуть. Потом они вернуться – торговаться будут.

Понятненько. По плечу похлопала докладчика. Коротко и по существу ответил.

— Ещё вкусняшку заработал. Мне бы главное в кухню без никого пробраться. Знаешь, я какие сладости могу печь. Пальчики оближешь.

Радхар даже в мою сторону глаза скосил:

— Так зачем дело? Кухонные после ужина уходят, даже не запирают за собой.

Так это замечательно. Правда, есть одно но. Отработка ночей любви. Вот прямо настроение портится от этой мысли. Медведя этого ублажать. Но сегодня, может, и не придёт, у него же гость. Поэтому можно и испечь что-нибудь на кухне, а если повезёт и найду статуэтку – сбежать после этого. Почему не сразу? Потому как обещала. А моё слово без фиги в кармане – закон. Тем более грех эту простодушную душу обижать, которая на меня так воодушевлённо смотрит. Озабоченный, конечно, как и все, и кровожадный, но простой, как две копейки, или три копейки. Неважно.

Всё, теперь пора делом заниматься, а не ляды точить здесь.

Не знаю почему, но перед покоями Предводителя перешла на цыпочки и стала постоянно оглядываться. Видимо, в силу стресса во мне разыгрались гены какой-нибудь криминальной личности из рода, так как я поймала себя на мысли, что делаю это профессионально.

На всякий случай постучала. Доверяй, но проверяй. Инфузорий всё-таки заработал себе пирожок. Надо мне сегодня на кухню ночью наведаться. Испечь что-нибудь. Любила я этим делом заниматься в той жизни. Потом и съедала всё в одно горло. Хорошо хоть не толстела. Не в коня корм был.

Скрипнула дверь, и я вошла в предводительские покои. Здесь я была. С тем самым сироткой-пирожком. Интересно, он его съел? Или в сердцах выкинул? В поисках изъятой у меня реликвии прошлась на столе, в столе и под столом. Пусто. Шкаф? Тот же эффект.

Ладно. Эта дверь направо.

Вот это да! Хочу в эту купальню. Подошла и включила горячую воду. Вот что за несправедливость – у любимого гарема она тонкой струйкой и еле тёплая, а у этого громалы, которому всё нипочём, – горячая бьёт. Нечестно, скажу.

Ладно. В голову этот факт положила. Отправится наш медведун в набег, а я сюда в спа. Главное – знать наверняка, что его нет.

Что у нас в другой комнате?

Ой-ой-ой. Меня аж за сердце схватило от этого великолепия. А гризли-то наш не прост, ох как не прост. Прикидывается только тупым солдафоном. В большущей комнате все стены до потолка были в шкафах с книгами. Стол письменный на медвежьих лапах. Кресло мягкое. Не выдержала и уселась. Грозно нахмурилась:

— А позвать ко мне сюда наложницу мою любимую. Самую красивую. Ханну Снэ-бьёрн. Сейчас брошу к её ногам полцарства и статуэтку в придачу.

Хихикнула и поправила:

— Статуэткой в придачу.

Так точнее будет. Потому как только в сердцах и вдогонку это произойдёт. Ладно, поднимай татуированную задницу и иди осматривай полки.

Осмотрела. Нетучки. В столе, под столом, на столе. Ох, какая книга интересная лежит с картинками. Только обложка у неё какая-то мерзопакостная, даже в руках не хочется держать. Но картинки ничего – я бы сказала эротические, если бы не возраст изображенных голых мужиков. С татуировками. Не, у меня красивее. Хоровод, что ли, они водят? А что это за черепушки вокруг летают?

Потёрла пальцем их, а у них как глаза засветились. Чур меня. Книгу захлопнула. Аж мороз по коже пробежал. Как ледяным ветром обдуло. Опасностью повеяло и неслабой.

Так, Ханни, медовая моя, хватит книжки смотреть. Вспоминай, зачем ты сюда явилась, — сказала я себе сама очень строго. И тут взгляд упал ещё на один очень интересный экземпляр. Ну одним глазком, вон ту, железом обитую. Да такой книгой убить можно. И замочек интересный. Хорошо хоть ключик здесь же на цепочке висит.

Я быстро только гляну. Ух ты, да она тоже с картинками. Цветными. Письменность у них на руны похожа. Прислушалась к ощущениям: нет, Ханна не знала их языка.

Но картинки – сказка. Судя по всему, про историю радхаров. Вот вулкан извергается, а вон мужик встаёт из лавы голый. Ого, да у него орудие уже к бою готово. Мамочка моя, ему бы с таким только в порнофильмах сниматься. Нарасхват был бы. Они что, у них у всех такие? Хм, а у Предводителя как с этим? Не, я не извращенка. Это я так, для общего развития хочу узнать.

А на другой странице рагхи из пепла рождаются. Бока лоснящиеся, чёрные. Морды оскаленные. А потом они, радхары, на этих конях ордой скачут. А девушки где, ребята? Вы что, отпочкованием размножаетесь?

А дальше одни сражения. Неинтересно. И я захлопнула книгу.

Вспоминаем, за каким я сюда забралась. Осталась ещё одна дверь. Наверное, спальня. Ну пойдём глянем на святая святых.

Ого, и скажите на милость, зачем нашему главе такая кровать огромная, когда он один на ней спит? И чёрное шелковое покрывало. Там что? Гардеробная. А здесь шкафчики. Где же моя статуэтка? Всё-таки не свезло. Нет нигде. Эх, а в сокровищницу так просто не пробраться. Стоп. А ключ от сокровищницы? Ладно, статуэтка там, но ключ должен был быть здесь. Сто процентов.

Я взвыла, мне что, по второму кругу опять?

Стоило мне об этом подумать, как хлопнула входная дверь. Вот блин, блин, блин! Я заматалась по комнате в поисках укрытия. Под кровать? Так там такая щель, что только нога влезет. В гардеробную? Но если Риг войдёт сюда, то явно не спать ещё. А именно переодеться.

Послышалось ворчание Предводителя:

— Принесла же нелёгкая этих волков. Весь в их крови изгваздался. Переодеться надо.

Не говори, Риг, принесло этих волков. А мне-то что делать? Огляделась, и мой взгляд упал на кровать. Эх, была не была. Я скинула платье. Благо сорочка под ним была. Только, собака, прозрачная. Больше подчеркивает, чем скрывает.

Распустила волосы и прыгнула на кровать, на бок, в позе типа «иди ко мне, мой милый – я вся твоя». Голову рукой подпёрла. Ногую закинула повыше соблазнительно. На ней ремень с ножнами. Лежу, дыша духами и туманами.

Надежда у меня была на то, что не любит, судя по всему, он этим делом у себя в спальне заниматься. Должен выгнать. Ну и ладно, я не гордая, главное, чтоб не придушил, насмерть.

Открывается дверь, и на пороге, увидев мою такую красоту, замирает Предводитель. Его челюсть с громким стуком падает на пол. Глаза становятся округлыми и на выкате. А сзади на шум падающей челюсти выглядывает бородач с выбритыми висками.

— Оба-на, Риг, я передумал насчёт только золота. Эту девку готов взять в часть оплаты.

Глава 19

>>Риг

Мне нужны были эти корабли. Как долго я обхаживал Карота, одна луна знает. Всё отказывался, отсмеивался. А я думал, в другом месте придётся искать. А тут вестник, как с неба свалился. Готов, мол, два корабля продать и даже команду оставить для обучения, но за человеческое золото. И за большое количество.

Зачем оно ему сдалось? И почему так срочно понадобилось? Города человеческие заняли. Рабов хватает. Рабынями в качестве дани расплачиваются.

Все рода нормально устроились. Мне вот корабли нужны, чтобы дичь бить на дальних островах. Да к человечкам с моря заглянуть, чтобы не расслаблялись. Девочек самим выбрать, а не то, что присылают в качестве дани.

Сроду бы в этот Выдорг не полез, если бы золото так не нужно было. Взяли, конечно, но так — по мелочи. Четверти суммы не хватает всё равно.

Зато вон герцогиню приволок. Сам себя спрашивал: «Зачем сам тащишь, посади ты её в телегу — никуда не денется». А не хотелось из рук выпускать. Все рабыни нам попадались высокие, большие, хоть ведьма та же. А эта как статуэтка. Маленькая, а сиськи вон какие. Стоит вспомнить, так сразу внизу кровь приливает.

Не похожая ни на кого и внешностью, и характером. Мелкая, но вредная. Доведёт же меня — придушу в гневе. И главное — поугагать низшими не получится. Эта зараза сама какими-то фокусами всех распугала.

Оборотница она, видите ли. В кого такая превратиться может? Только если в мышь белую. Но характер какой. Это же надо в челюсть управляющему врезать. Может, в самом деле она мужик? Ну не бывает баб таких.

Что она там про первичные половые признаки говорила? Надо проверить. Но не сегодня. Вон сзади Карот в карете едет. Притащил с собой ее на корабле. Привыкать Южный глава стал к человеческой жизни. Расслабился. Смотри, вызовут тебя в Лабиринт Душ и снимут башку. И будет у нас новый правитель у Покорителей.

Даже когда волки напали — не вылез. Ну-ну. Ладно. Мне главное — корабли получить. Но золота не хватает. Может, всё-таки камнями возьмёт? Или девками? Он у меня решил на неделю здесь задержаться. Надо бы ещё городишко захватить. Рабынь пригнать ему покрасивее.

Попробую из сокровищницы диковинки выставить? Керрг рассказывал, что до интересных очень охоч, разнеженный наш.

А может ему герцогиню эту предложить? А что? У него в гареме явно герцогиня не было. Это почти же по человеческой иерархии, если смотреть — вторая по крови после короля. То есть если король их накроется, а наследников нет, очень может быть, что она будет первая претендентка на корону.

Точно. Так и сделаю. Девственница опять же. Ну не сходил я к ней ночью, зато потискал. Жалко, конечно, такую отдавать, но корабли мне нужнее, чем баба. Нападу ещё, да новую раздобуду. Но, скорее всего, такую больше не получу. Ладно, сначала из сокровищницы вывалю что есть, а потом её.

Ну надо же, какая зараза, мои пирожки с мёдом съела. Самому стыдно признаваться, но пристрастился к нему, как горный медведь. И к вишнёвому варенью. Конечно, могу обойтись без сладостей. Я не как Южный правитель, я радхар. Мы созданы, чтобы воевать, а не нежиться. Поэтому и в доме у меня аскетично. Без излишеств.

— Эй, десятник. Скачи вперед. Пусть готовят ужин для меня и гостя.

— Где? В приёмной зале?

— Там. Мы вначале ко мне зайдём, напитка нашего по рюмке выпьем, потом туда перейдём.

— Хорошо.

— Подожди. Стой. Это же на тебя я герцогиню оставлял тогда?

— Да, Предводитель.

— Что скажешь по девке? Не те басни, что ты мне про неё рассказывал, как она превратилась в чудище и всех наших порезала и раскидала, а по существу.

— Ну если без этого... Но это, клянусь, Предводитель, истинная правда. Сам видел: она руками-ногами дрыгнула, и наши как горошины покатались, вот чтоб мне луна на голову свалилась, если вру.

— Ладно, ладно. Я так понимаю, там темно было. А в ночи все рагхи серые.

— Ну не знаю. Но что скажу. Мой десяток после этой поездки о ней с придыханием говорить стал, и по морде всех бьёт, кто скабрёзность отпустит про герцогиню.

— Да ладно? Радхары? Про бабу?

— Так точно, командир. И уже не только они, к ним и другие стали прислушиваться. Околдовала их. Вот точно! Ведьма она! Была у нас одна ведьма – чёрная, теперь и белая. Хотя, — он хохотнул, — теперь не чёрная, а лысая. Так ей и надо, падле. По мелочи столько пакостей творила. Так, мимоходом. Душонка у неё прогнившая насквозь.

— Так что не жаловались? — удивился я.

— На кого? На бабу? Мы же – радхары! Мы – сила! Вот только против колдовства у нас ничего нет. И когда белая наша суку эту приложила ответкой, даже я ей готов был спасибо сказать, — благодарно закивал радхар. — Не поверите, Предводитель, какая Северная ведьма пакостливая и издеваться любила. Не только над нами. На нас ведь всё заживает, особенно после горошин, а на животных. Мы хоть и кровожадные, но просто так никого не мучаем, не издеваемся, а что она творит со зверюшками – даже мне смотреть гадко. Поговаривают, из их мучений силу черпает. Если бы с шаманом нашим хороводы не водила, удавили бы потихому гадину эту, — добавил он гневно. — А герцогиня наша вроде и опасная, но если её не трогать, то добрая. И ничего не боится. Настоящая радхарка бы была. Характер у неё наш. Сильна она им.

— Это ты сам надумал? — задумчиво спросил я десятника.

— Выводы сделал по рассказам низших. Они же её хоть побаиваются, а из рук готовы есть. Всё-таки чем-то она их заморозила. И красивая вон какая, как эдельвейс. На железной ножке. Тонкая, хрупкая, но сиськи что над — он споткнулся и покосился на меня, — я ни на что не намекаю, мне её не надо потом передавать. Мы так, издали любовались.

Я хмыкнул.

— Ладно. Давай вперёд скачи. Пусть подготовятся.

Что-то изменилось в моём роду с таким трофеем. Что-то стало меняться. Даже не что-то, а кто-то. Низшие мои. Звери, которых все боялись. Два дня и ночь она у нас, а вон как. Может, заболели? Или всё-таки околдовала? Одно из двух. Где же шаман? Он мне здесь очень нужен. А то приедет, а родом уже эта Ханна управляет. Точно, надо её всё же Южному правителю отдать.

Но зачем шамана так резко в Колыбель понесло? После вестника этого сорвался, с ведьмой Северной пошушукался и рванул. Чуйка моя подсказывала, что всё не просто так. Что-то стало в воздухе витать в радхаровском королевстве. Ветер перемен каких-то. Носом чую.

А с девкой. Не-е-е, погожу чуть. Вначале из сокровищницы предложу Кароту что-то на выбор. Ханну пока сам трогать не буду, чтоб девственницей оставалась. Потерплю. По другим рабыням схожу. Хотя дружок встаёт, стоит только её вспомнить.

Так, думай о другом. О кораблях. И как любишь море. А про герцогиню ты даже не вспоминаешь. В особенности о сиськах ее. Море, море, сиськи. Тьфу.

Глава 20

>>Риг

— Пойдём, Карот, ко мне вначале. Вина нашего пропустим, пока стол накроют.

— Что же не пропустить, да с хорошим радхаром, — со смешком вылез из своей кареты бородач.

Всё у него со смешком, с хихиканьем. Да, чуть обрюзг наш гигант. Я не маленького роста, а этот ещё выше меня на полголовы целых. Но видно, как стальные мышцы стали жирком заплывать у Южного правителя. Не только я такие изменения мог заметить, тысячника, жаждущим звание главы, это тоже будет заметно. Если только так же, как Карот, в расслабление не попали. Тогда только, если молодой да зубастый с низа не пойдёт.

А Южный правитель стоял, разминался и оглядывался. Затебли мышцы, видать.

— Фу, какие девки у тебя здесь страшные. Белые все. Здоровенные. Я мелких люблю, но сисястых, ощущения тогда, скажу, сногшибательные. Спиной повернёшь к себе, за сиськи держишь и насаживаешь поглубже. И норовистых люблю, чтоб дёргались, сопротивлялись, — сказал он причмокивая. — Вот как знал, что твои рабыни мне не зайдут. Своих приволок. Прикажу завтра с корабля доставить парочку. Потом тебе могу оставить в качестве подарка.

— У меня другие вкусы, Карот, — поморщился я. Собирать объедки после него совсем не хотелось.

— А зря, зря, не чета этим, — кивнул он на парочку служанок, проходивших мимо. — Да, мне твоих девок и даром не нужно, а тем более как плату за корабли. И если ты думаешь, что меня напоишь и я цену снижу, или камнями возьму — ошибаешься. Мне золото нужно для одной идеи.

Чтоб тебя медведь разорвал горный! — подумалось мне. Именно на это я рассчитывал. Где же ещё золота брать столько. Ладно, неделя есть на подумать. На худой случай герцогиню ему вручу всё-таки. Эта ему зайдёт точно. По всем вкусам. Одни титьки чего стоят. И у меня встал.

Вот чёрная луна! — выругался про себя. Нет, Снэ-бьёрн эту в самый последний день, если что, отдам. И надо приказать, чтоб не шастала по дому, а то вон как притащилась тогда с пирожком одним. Куда охранник гаремный только смотрел. Хотя куда? В сторону смотрел. Типа не видел. Надо ему наказание придумать. Пригрожу, что ему герцогиню эту подарю! Лично!

Ха, вот это, думаю, подействует.

— Ну что, Карот, размялся? Пойдём?

И мы двинулись ко мне в покои.

Зашли, я при свете факелов штаны свои рассмотрел:

— Принесла же нелёгкая этих волков. Весь в их крови изгваздался. Переодеться надо.

Плеснул Кароту бокал вина, чтобы не скучал, и двинулся к себе в спальню. Распахиваю дверь. А там

У меня даже дыхание остановилось. И как легла, главное! И нарядец такой — так и просится быть содранным. А на ноге что? Ножны? От этой детали у меня в паху сразу кровь прилила. И уже наплевать, что в моих покоях по-хозяйски расположилась, а я в свою спальню рабынь не таскаю. Даже ведьму в гостевой зале имел. К стене повернул у входа и тут же вставил.

А герцогиня Соски коричневые сквозь ткань просвечивают, ножка стройная закинута фривольно. Тоненькая, в самом деле как эдельвейс. Нежная. И опасная. Вон в ножнах рукоятка стилета торчит.

Лежит, волосы белые на чёрном покрывале прядями узоры морозные нарисовали. Губы полные, розовые. В одной сорочке. И без панталон. Мой ствол внизу взвыл и встал. Требовать стал эту девицу.

Я всё забыл. И про гостя, и про корабли. Как вдруг шаги за спиной и голос над ухом:

— Оба-на, Риг, я передумал насчёт только золота. Эту девку готов взять в часть оплаты. Ствол внизу взревел и по мозгам моим жажнул: «Не отдам! Сам в неё хочу».

Я челюсти стиснул. От напряжения пластинами стал покрываться. Надо сдержаться. Я глава – я воля. На девку не брошусь. И перед Южным лицо не хотелось терять. И сказать ничего не могу, потому как заорать могу: «Не отдам!»

Мысли заметались. Включай мозги, Риг. Ты хочешь эти корабли? — Хочу. Но девку тоже хочу.

А море? Ты же в шестнадцать как с первым набегом к морю вышел и понял – вот твоя страсть! Не девки, не власть, а море. Огромное, грозное, бушующее, непредсказуемое. Ты же Предводителя прошлого в Лабиринт Душ вызвал не для того, чтобы главой стать, а чтоб корабли купить и ходить на них по морю.

Внутри всё рычало горным медведем, а ещё Карот над ухом задышал, тоже, чувствуется, возбудился.

Моя эта герцогиня – не отдам! А корабли? Море? Человеки тебе кораблей не продадут. Не дураки они! А корабли мне нужны как воздух.

— Сейчас приду, — к своему удивлению, охрипшим голосом бросил Южному правителю и, зайдя в спальню, захлопнул перед его носом дверь.

Карот заорал:

— Риг, если девка девственница – приму ее в счет добития всей суммы. Если нет, тоже заберу. Но за меньшие деньги.

Ханна, видимо, не ожидала, что я с гостем приду, — растерялась. Ресницами чёрными хлопает. Губу закусил. Грудь поднялась, тканью облепилась.

Не смог сдержаться, рванул её с кровати и к себе прижал. Вмять хотел эту дерзкую девчонку. Я должен запах её почувствовать. Склонился к шее, втянул, и в башку ударило! Захотелось диким зверем кожу на вкус почувствовать. Провёл языком по шее её тонкой, по жилке голубой. А она вдохнула, застонала и выгнулась. Чувствую, как её соски отвердели – мне в живот упёрлись.

Я её на кровать рывком поставил, чтоб она повыше была. В голове туман. Не понимаю, что творю. Так, наверное, текущая самка на самца действует. Грудь её сквозь ткань прозрачную перед моим лицом колышется. Руки под сорочку нырнули. Между ног её. А там влажно. Прижал к себе и сквозь ткань сосок её втянул. Вдохнула судорожно. А её руки по плечам моим заскользили. Я от этих прикосновений уже думать ни о чем не могу. К себе прижал. В голове свинцовый туман. В этом мире только я и она остались.

Тут Карот, видимо, поняв, что за дверью происходит, кулаками долбить стал и орать:

— Девку мне отдай! Ещё корабль дам! Третий пригоню!

И только тут я смог в себя прийти, отпустил её грудь. Мокрое пятно на нее легло, как без ткани. Лёгкие как меха в кузне работают. Отдышаться не могу. Поднял голову, а у неё рот приоткрыт, глаза как в тумане. Стоит, дышит судорожно. Потом она торс мой увидела. Глаза расширились.

Остатки воли собрал и отшвырнул её на кровать. Отвернулся.

— Одевайся и в гарем иди, — а голос у меня глухой, как из пещеры, — и не вздумай выходить – придушу.

Слышу шорох за спиной.

— Всё, — шепчет. Повернулся, а она губы кусает, в глаза мне не смотрит. Открыл дверь, вышел:

— Иди, говорю.

Герцогиня выскользнула белым ветром, запахом своим меня обдала. Мимо Южного проходит, а у того глаза разгорелись, только слюни не потекли. Глазами пожирает, руки стали к ней тянуться. А она извернулась и выскочила из покоев.

— Р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.